

СЕРГЕЙ ПОЛОЗКОВ

ПРИВАТИЗАЦИЯ
по ЧУБАЙСУ

ВАУЧЕРНАЯ АФЕРА

РАССТРЕЛ
ПАРЛАМЕНТА

1993
ЧЕРНЫЙ
ОКТЯБРЬ

Черный Октябрь 1993 года

Сергей Полозков

**Приватизация по Чубайсу.
Ваучерная афера.
Расстрел парламента**

«Книжный мир»

2014

Полозков С. А.

Приватизация по Чубайсу. Бауэрная афера. Расстрел парламента / С. А. Полозков — «Книжный мир», 2014 — (Черный Октябрь 1993 года)

Данная книга честное и откровенное повествование о событиях 20-летней давности, которым автор, Сергей Полозков, народный депутат РФ 1990–1993 годов был свидетелем и активным участником. Он один из немногих членов Верховного Совета голосовавший против беловежских соглашений и против дополнительных полномочий Б. Н. Ельцина, координатор самой молодой и здирской фракции «Смена – Новая политика». Будучи в последние месяцы работы Верховного Совета заместителем Председателя комиссии Верховного Совета по экономической реформе, он организовывал вместе со своими товарищами сопротивление приватизации по Чубайсу. Так сложилось, что свой политический путь он начинал в Нижнем Новгороде и пересекался с такими известными и очень разными людьми как Кириенко и Немцов. Сергей Полозков входил в руководство политического движения «Гражданский союз» возглавляемого Вольским и Руцким общался с кинорежиссерами Говорухиным и Меньшовым, с полузабытым теперь Травкиным, с застреленным Юшенковым, погибшим в авиакатастрофе Косопкиным и многими другими известными людьми. Принимал участие в трагических событиях сентября-октября 1993 года. И обо всех этих людях, событиях в его книге написано сочно, ярко с самоиронией и попытками проанализировать их с высоты прошедших лет. Для всех тех, кому интересна история России, кто хочет разобраться в истинных причинах произошедших за последние четверть века глобальных перемен в жизни нашей страны.

© Полозков С. А., 2014
© Книжный мир, 2014

Содержание

Иван Миронов	6
Приватизация по Чубайсу	8
Предисловие	8
Часть 1. Путь в Верховный Совет	12
Перестройка и ее плоды	12
Говорящая голова № 1	14
Гласность, как норма жизни	15
Партия – дай, порулить!	17
Почему я этим занялся	18
Началось	20
Не сработавший «компромат»	21
Семь претендентов	22
Почетное третье место	23
Формалы и неформалы	25
Клуб «Выбор»	27
Сергей Кириенко – первая попытка	28
Самые свободные в мире	30
Встречи и листовки	32
Телевидение, митинги и «козни»	35
Часть 2. Народный депутат РСФСР, первые шаги	38
Прорвались!	38
Борис Немцов как зеркало российских реформ	39
Отступление № 1. «Давайте сделаем все, как у них»	44
Накануне Съезда	45
Первый Съезд народных депутатов РСФСР	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сергей Полозков

Приватизация по Чубайсу. Ваучерная афера. Расстрел парламента

Иван Миронов

Расстрелянный парламент

В книге народного депутата РФ Сергея Алексеевича Полозкова подробно излагается история противостояния Верховного Совета и гайдаровско-чубайсовской группировки, приведшей к кровавым событиям осени 1993 года. Автор один из немногих членов Верховного Совета, голосовавший против беловежских соглашений и против дополнительных полномочий Бориса Ельцина. С. А. Полозков был заместителем Председателя комиссии Верховного Совета по экономической реформе и организовывал сопротивление чубайсовской приватизации.

Автор подробно описывает скрытые механизмы уничтожения российской экономики, которые были запущены США руками своих подручных, которые сумели полностью подмять власть в стране. В 1993 году младореформаторы вынуждены были сбросить демократический камуфляж со своей политики, расстреляв мятежный парламент. Противники шоковой терапии, залоговых аукционов и приватизации были уничтожены или изгнаны из правительства.

В книге рассказывается о методах, которые использовались против команды Полозкова. Почему они проиграли? Почему не удалось консолидировать патриотические силы, отстаивая коренные национальные интересы?

Мне самому пришлось столкнуться с тем, как Чубайс привык расправляться со своими оппонентами. Пять лет я подвергался уголовному преследованию по сфабрикованному делу о покушении на главного либерального реформатора.

Допрашивая «потерпевшего» Чубайса в суде, мне было неожиданно наблюдать трясущиеся руки, багровые пятна, испарину на лбу этого человека, сломавшего и выкинувшего на политическую помойку ельцинских генералов и генерального прокурора, против него восставших. В нем не было ни железной воли, ни бесстрашия, ни фатализма. Я видел лишь страх перед неминуемой расплатой замешанный на остатках фанатизма сверхчеловека, для которого мы всего лишь расходный материал.

Иван Борисович Миронов

Кандидат исторических наук. Член Союза писателей России. Автор книг «Аляска преданная и проданная. История дворцового заговора», «Замурованные. Хроники Кремлевского централа», «Родина имени Путина». В апреле 2005 года обвинен в покушении на Анатолия Чубайса. Два года без суда и следствия провел в застенках самой жесткой тюрьмы России. Вызволен из тюрьмы поручительством депутатов Государственной Думы. В 2010 году коллегия присяжных заседателей полностью оправдала Ивана Миронова. Организатор «Русского марша – 2012», прошедшего по Крымской набережной в Москве 4 ноября 2012 года. Лидер и организатор забастовки студентов РГТЭУ в декабре 2012 года.

Приватизация по Чубайсу

Рассказывают, что когда товарищ Сталину демонстрировали только что отснятый фильм «Незабываемый 19-ый» атмосфера в просмотром зале с каждой минутой становилась все более напряженной.

На экране товарищ Сталин неторопливо переходил из одной исторической ситуации в другую, одаряя Революцию единственно верными решениями, и тут же суетился Владимир Ильич, то и дело озабоченно произносящий: «По этому поводу вам надо посоветоваться с товарищем Сталиным» – все было путем, но лицо Вождя, сидевшего по обыкновению в заднем ряду с погашенной трубкой, порождало у присутствующих все более тревожные предчувствия.

И когда фильм окончился товарищ Сталин с трудом поднялся и, ни на кого не глядя, произнес с напором: «Нэ так все это было, совсем нэ так!..» Так вот. Не так все это было. Совсем не так!

(А и Б. Стругацкие «Отягощенные злом или сорок лет спустя»)

Предисловие

Когда вечером 21 сентября 1993 года Ельцин выступил по телевидению с Заявлением о подписании им Указа № 1400 о роспуске Верховного Совета и Съезда народных депутатов, междугородняя телефонная связь в Белом Доме была отключена через 15 минут после окончания трансляции.

Во время зачитывания Указа я находился в своем кабинете заместителя Председателя Комиссии по экономической реформе в Белом Доме, на 6-ом этаже. Я успел позвонить Председателю областного совета Нижегородской области Евгению Крестьянинову, чтобы оценить обстановку в родном регионе. Он то ли пошутил, то ли поерничал, мол, привет бывшим депутатам, настроение у него было кислое. Затем, я на всякий случай позвонил своим старикам в Нижний, переговорил с мамой, чтобы не беспокоились. Уже всякое бывало. В марте Ельцин нечто подобное уже заявлял, а потом взял свои слова обратно. В СМИ потом выдвигали смехотворную версию о том, что он, якобы, выступал тогда не как Президент, а как частное лицо. Мол, я не я и хата не моя. «Может быть, и на этот раз прорвемся?» – подумал я. Однако наступившая через несколько минут мертвая тишина в трубке говорила о том, что на этот раз все будет «по-взрослому». (Для сравнения можно отметить, что в 91-ом во время опереточного ГКЧП телефоны исправно работали все 3 дня.)

Народ – депутаты, находившиеся еще в Белом Доме (*Был уже 9-ый час вечера, но многие засиживались на работе допоздна*), работники аппарата, невесть откуда взявшиеся журналисты, начали быстро собираться в зале Совета национальностей. Началось...

Конечно же происшедшее не было неожиданностью. Все это уже носилось в воздухе. Разговоры про готовящийся переворот давно велись и в кулуарах, и в больших кабинетах. Буквально накануне в выходной день нас с Игорем Муравьевым – зам. Председателя Комитета по вопросам работы Советов народных депутатов и развитию самоуправления, являющимся сопредседателем нашей фракции «Смена – Новая политика» пригласил к себе заместитель председателя Верховного Совета – Юрий Михайлович Воронин. Состав заседания был пестрым. Присутствовало почти все руководство Верховного Совета, кроме Хасбулатова, представители оппозиционно настроенных фракций. Воронин озабоченно сообщил нам о том, что по просочившейся из Кремля информации в понедельник нам попытаются не дать выйти из

домов. В связи с этим необходимо предпринять меры для предотвращения такого развития событий. Дело в том, что почти все депутаты, работавшие в Верховном Совете на постоянной основе (*разумеется, кроме москвичей*), жили в 3-х домах, разбросанных по Москве, и перекрыть подъезды можно было очень даже легко. Игорь как мне помниться горько пошутил: «Что же нам на прстынях из окон, что ли спускаться?»

Но в понедельник мы как обычно приехали в Белый Дом и во вторник. А началось все в среду.

И, пожалуй, не могло не начаться. Слишком уж далеко зашли разногласия между Парламентом и исполнительной властью. На осенней сессии мы готовились дать настоящий бой горе-реформаторам. Нам, находящимся в гуще событий, было видно, что абсолютно авантюристическая экономическая реформа ведет к уничтожению всех высокотехнологичных отраслей промышленности и разворовыванию собственности. Те формы приватизации, которые провозглашались командой Чубайса, теперь не ругает только ленивый, но тогда оголтелая пропаганда демократических СМИ изображала любые попытки изменить ситуацию, как покушение на святое. Однако здравый смысл уже начинал побеждать. С июня 1993 года Комиссию по экономической реформе вместо С. Н. Красавченко, который выполнял любые указания команды Гайдара, возглавлял Владимир Мазаев, член нашей фракции, а я был его заместителем. Поэтому мы успели на весенней сессии кое – что поменять, ограничив, например, полномочия Госкомитета по имуществу, возглавляемого Чубайсом, в вопросах принятия решений о приватизации предприятий. Теперь они не могли это делать без согласования с Правительством. К осени мы подготовили поправки в закон о приватизации, в программу приватизации, которые бы поставили заслон на пути злоупотреблений и разбазаривания госсобственности. Готовились менять ситуацию и другие Комитеты и Комиссии. Сейчас, когда официальные власти до сих пор хранят молчание по поводу тех событий, хотя прошло уже 20 лет, подобно тому, как в брежневские времена хранили молчание по поводу Хрущева и Сталина, возникло много различных мифов.

Например, недавно я услышал о том, что Юрий Гильбо (*он был помощником у Вениамина Соколова – последнего Председателя Совета Республики¹ Верховного Совета*), в своих воспоминаниях написал о том, что события сентября-октября 1993 года развернулись именно из-за вопросов приватизации. Что даже танки, стреляя по Белому Дому, избрали своей мишенью этаж, где хранились документы комиссии по расследованию злоупотреблений в ходе приватизации, в частности по Москве.

Это, конечно, преувеличение, разногласия возникли по всему спектру вопросов дальнейшего развития страны. Мы выступали не только против «прихватизации», как ее стали называть в народе. Мы были и против людоедской социальной политики, обрекавшей миллионы людей на нищенское существование, и против юродивой внешней политики, проводимой министром иностранных дел Козыревым по-лакейски, работяги заглядывавшим в глаза любому американскому чиновнику.

Именно эти разногласия, а не пресловутая борьба за личную власть, к которой пытаются все сейчас свести современные горе-историки, привели к трагическим событиям 1993 года. Мы мешали команде разрушителей, и они решили нас устранить.

Конечно же, никакой критики не выдерживают черные мифы, распространяемые коллективным Сванидзе, в соответствии с которыми расстрел Парламента необъяснимым образом стал важнейшей вехой в победе демократии, включая последовавшее за этим принятие сверхпрезидентской Конституции. (*Сейчас эти же люди воят о том, что стране нужен сильный Парламент и Конституцию надо менять!*)

---

¹ Верховный Совет состоял из двух Палат: Совета Республики и Совета Национальностей.

Слыхивал я и совсем нелепые вещи о том, что столкновение 93 года это победа русских сил над чеченцами. Хасбулатов то чеченец, так что сами понимаете.

Или, например, заявления о том, что все мы, депутаты созыва 90-го года были агентами КГБ, так как в тоталитарном режиме не могло быть иначе, и поэтому борьба с Белым Домом была борьбой с секретными спецслужбами.

А совсем недавно один молодой человек с грустью поведал мне о том, что активность людей на выборах 89 и 90 годов объяснялась большими денежными вливаниями!

Из этих примеров видно, что давность лет, противоречивость информации, вносят несусветную кашу в головы граждан нашей страны, в первую очередь молодых.

И в этом нет ничего удивительного, потому что, как сказал в своих воспоминаниях: «Люди, годы, жизнь» Илья Эренбург, известный советский писатель:

«Когда очевидцы молчат, рождаются легенды».

И поэтому я решил не молчать.

Потому что я очевидец. Очевидец и участник тех самых событий.

РАЗРЕШИТЕ ПРЕДСТАВИТЬСЯ

И так разрешите представиться.

Я Полозков Сергей Алексеевич. Год рождения 1959. Место рождения город Горький, рабочий район Сормово, то самое где разворачивались события романа Максима Горького «Мать», изучавшегося в школе всеми гражданами СССР, окончившими школу до 1992 года.

Я ее окончил в 1976 году, среднюю общеобразовательную № 77 г. имени Н. П. Хмелева (народного артиста СССР). В 1981 окончил Горьковский государственный университет имени Лобачевского – физический факультет. Работал по распределению четыре с половиной года в Институте химии Академии наук СССР, занимаясь физикой низких температур и выращиванием особо чистых веществ. В 1986 году перешел работать программистом в отраслевое НИИ судостроительной промышленности «Сириус», где занимался системами автоматического программирования технологических процессов, а в 1990 году был избран народным депутатом РСФСР по 357 Сормовскому избирательному округу. С 1991 года член Верховного Совета.

Избирался на альтернативной основе, победил 5-х конкурентов, среди них первого секретаря горкома партии, по тем временам шишкой немалой.

Автор нескольких законов, связанных с местным самоуправлением и бюджетным процессом, автор многих поправок в другие законы, координатор самой молодой и задиристой фракции Верховного Совета «Смена – Новая политика».

Последняя должность в Верховном Совете – заместитель председателя Комиссии по экономической реформе.

Когда я избирался в депутаты секретарём комитета комсомола завода «Красное Сормово» был небезызвестный Сергей Кириенко, ставший впоследствии на несколько месяцев премьер министром страны, и мы с ним в процессе избирательной кампании активно общались. С будущим нижегородским губернатором Борей Немцовым, а ныне «вечным оппозиционером», мы также познакомились еще в 1990 году на предвыборном митинге. Николай Травкин, вербую меня в комитет по местному самоуправлению, водил меня под проливным дождем через Красную площадь, а ельцинский министр иностранных дел Козырев на званом обеде объяснял своей жене, которую посадили рядом со мной, что это враг и с ним надо язык держать за зубами.

За все эти бурные годы жизнь свела меня с огромным количеством известных поныне, а некоторых уже позабытых людей: Александр Руцкой, Ельцин, Хасбулатов, Зюганов, Анатолий Собчак, Аркадий Вольский, кинорежиссеры Меньшов и Говорухин, академик Прохоров и Зорькин, люди разных политических взглядов, оказавшихся впоследствии по разные стороны баррикад в прямом смысле этого слова.

Так получилось, что я оказался на самом острие борьбы с всесильным Председателем Госкомимущества А. Б. Чубайсом и неоднократно с ним «бодался». Я был одним из 6 членов Верховного Совета, кто проголосовал против Беловежских соглашений, означавших развал СССР, одним из немногих, кто выступил против предоставления Ельцину дополнительных полномочий для проведения радикальных реформ.

Об этом и о многих других событиях происходивших в коридорах власти, на площадях и улицах, в цехах заводов и других местах, участником которых я являлся непосредственно или был о них хорошо осведомлен, описанию людей, которые активно делали и делают политику, а также размышлениям о дальнейших путях развития России посвящается эта книга.

Часть 1. Путь в Верховный Совет

*Отыщи всему начало, и ты многое поймешь.
Козьма Прутков*

Перестройка и ее плоды

Когда одни наши соотечественники говорят, что четверть века назад, начав перестройку, мы вырвались на свободу из проклятого убогого прошлого, что, несмотря на все издержки этих лет, мы, наконец-то, влились в «цивилизованный мир», я предлагаю им посмотреть на данные статистики.

Причем я не хочу говорить об экономических показателях, о том, что мы почти перестали производить самолеты, станки, текстиль и т. д. На это некоторые могут ответить так, зато мы теперь можем пить пиво на любом углу. У каждого свои представления о благоденствии.

Я возьму другие, самые очевидные показатели:

Это рождаемость и смертность.

(График представлен по данным: «Белая книга реформ» Глазьев С. Ю., Кара Мурза С. Г.)

А вот табличные данные.

Годы	1985	1987	1990	1992	1995	1999	2000	2005	2010
Рождаемость (на тыс. жителей)	16,6	17,2	16,7	10,7	9,2	11	8,7	10,2	12,4
Смертность (на тыс. жителей)	11,3	10,5	11,2	12,2	15	14,7	15,3	16,1	14,3
Естественный прирост на тыс. жителей	5,3	6,7	2,3	-1,5	-5,8	-6,4	-6,6	-5,9	-1,9

(данные взяты с сайта : <http://com-stol.ru/?p=7476>)

Как видно из этих данных начало радикальных экономических реформ в 1992 году привело к резкому (почти в полтора раза) падению рождаемости, а смертность с 10,5 человек на тысячу населения в 1987 самом благополучном году возросла до 16,1 в 2005 году и, хотя и снижается, по-прежнему, выше доперестроичного периода.

По поводу рождаемости некоторые пытаются ее падение объяснить следствием урбанизации и изменения стиля жизни по аналогии с тем, что произошло в развитых странах в 60-70-е годы. При этом начисто игнорируется тот факт, что такое падение рождаемости в СССР произошло в те же годы. Специалисты об этом не могут не знать, поэтому разговоры на эту тему просто научная недобросовестность. Такие заявления тем более не обоснованы, потому что

никак не объясняют рост рождаемости в последние годы, когда страна частично оправилась от разрухи, учиненной реформами.

Что касается смертности, то апологеты реформ ни под каким соусом не могут объяснить, почему вдруг россияне при новых прогрессивных изменениях своей жизни начали гораздо в больших количествах умирать, чем раньше.

Анализ причин смертей наших граждан показывает, например, что в 1994 году было убито, по сравнению с 1985 годом, почти на 38 000 человек больше! От алкоголя отравилось на 41 000 человек больше и т. д.

Можно провести следующий анализ. Возьмем за точку отсчета показатели рождаемости и смертности 1985 года, и предположим, что при благополучной социально-экономической ситуации они, как минимум, не должны бы были меняться. Тогда за годы реформ, включая 2012 год, у нас не родилось почти 22 млн. человек, а умерли раньше срока почти 10 млн. 200 тысяч человек!

Так что все рассуждения на тему о том, что радикальные реформы были благом для России, разбиваются об эту смертоносную статистику.

Однако когда другие наши сограждане говорят о том, что все, что произошло за последние четверть века это козни кучки «предателей» из Политбюро и их прихвостней с телеканалов и газет, которые по злобе уничтожили идеальную государственную машину под названием СССР, я тоже не могу с ними согласиться.

Да, предательство элит имело место. Да, такие члены Политбюро, как Яковлев, Шеварднадзе, Горбачев очень постарались, чтобы альтернативное Западу мироустройство под названием «развитой социализм», было уничтожено, но нельзя сказать, что эти их действия не легли на благодатную почву.

Недовольство многими сторонами жизни советского общества начала восьмидесятых, такими как дефицит потребительских товаров, их низким качеством, кумовством, постоянным замалчиванием реальных проблем в СМИ и заменой их обсуждения приторным елеем, имелось во всех слоях населения нашей страны.

Ярчайшим доказательством таких настроений является следующий, очень популярный в те времена анекдот:

По радио передают сообщение:

На прошедшем Пленуме ЦК приняты 2 решения:

1) Снять Брежнева со всех постов.

2) Перекрасить все дорожные столбы в синий цвет.

Тут рассказчик анекдота замолкал, а практически все слушающие спрашивали:

– А почему именно в синий?

– Ага, выходит первое решение у вас вопросов не вызывает?

И действительно этот вопрос не вызвал сомнений ни у кого. Шамкающий, полуживой Леонид Ильич был символом эпохи застоя, героем многих анекдотов и за державу было обидно, когда в программе «Время» показывали, сначала Леонида Ильича, с трудом зачитывающего по бумажке любой даже самый простой текст, а потом граждан, восхищающихся: «его яркой содержательной речью».

И когда на смену плеяде «кремлевских старцев» пришел молодой 54-летний Горбачев с подвешенным языком, конечно же, практически все граждане, а особенно мы, молодежь, увидели в этом добрый знак.

Так, что и тем, кто изображает перестройку как заговор врагов и тем, кто воспевает ее как возврат на столбовую дорогу исторического развития, я хочу сказать словами эпиграфа к этой книге «Не так все это было, совсем не так!»

Говорящая голова № 1

То, что серьезные перемены грядут, стало ясно после апрельского пленума ЦК КПСС 1985 года. Это тогда впервые прозвучали слова о перестройке и о застое.

Я ужинал дома на кухне и слушал по радио отчет о прошедшем Пленуме, интервью участников и т. д. Даже не помню, что конкретно я тогда услышал, но, жуя котлету, как князь Болконский на Аusterлицком поле каким – то десятым чувством я понял: «Вот оно началось!» Впервые зазвучали нормальные человеческие слова, живая речь, а не сиськи-масиськи. Начался новый этап в жизни страны.

Конечно сейчас, когда говорящих голов на телеэкране много, а жизнь от этого лучше не становится, это кажется не таким уж важным.

Но тогда, когда в мае 85 года Горбачев поехал в Ленинград, гулял по городу, и встречался на улицах с рядовыми гражданами, беседовал с людьми – это произвело эффект взорвавшейся бомбы². Нисколько не преувеличивая могу сказать, что на тот момент, он сразу же купил практически всю советскую интеллигенцию на корню. После стольких лет правления немощных старцев, не могущих без бумажки слово сказать – живой, нормальный человек!

И неважно, что ездил он тогда в Ленинград на городскую партконференцию, где избирали нового секретаря горкома, взамен только что снятого со всех постов Романова. Сейчас многие пишут о том, что этот человек был намного дальновиднее и умнее будущего «лучшего немца года» и представлял ему реальную альтернативу. Что поездки Горбачева по городу во время проведения выборов этого секретаря, символизирующие невмешательство в дела городской партийной организации, конечно же, были фарсом.

Никто тогда про это не знал, и поэтому наши, тогда еще очень наивные инженеры и научные работники, врачи и учителя были просто очарованы такой демократичностью.

А рабочий класс и крестьянство, которые могли и не обратить особого внимания на болтовню и панибратство, были в восторге от того, что практически одновременно с этой поездкой было разрешено, по просьбе патриарха, отмечать 4 мая Пасху.

Здесь необходимо пояснение. В связи с тем, что 1-ое и 2-мая были тогда праздничными днями, а 3-е мая выпадало на субботу, получалось четыре выходных дня подряд. В таких случаях четвертый выходной день, по сложившейся тогда традиции³, обычно, решением Правительства, объявляли рабочим днем, а день отдыха присоединяли к отпуску. В этом случае полу-

---

² Кстати, необычность для тех времен такого события подтверждается рассказом бывшего первого секретаря ЦК ВЛКСМ Виктора Мироненко. По его версии изначально эти встречи с народом засняли на видеокамеру вовсе не для показа по телевидению, а просто для того, чтобы подарить видеозапись для четы Горбачевых, и только при ее просмотре в Смольном, кто-то из неистребимого племени подхалимов, посоветовал Михаилу Сергеевичу эти исторические кадры показать всему народу.

³ Советская власть заботилась о здоровье граждан и не давала лишних поводов для злоупотребления алкоголем.

чалось, что Пасха, выпадавшая на 4 мая, была бы рабочим днем. В 1985 году такой порядок был нарушен, и граждане отдыхали 4 дня подряд.

Причем это очарование распространялось не только на «плебс», но и на руководящие кадры. Много позднее, Г. А. Зюганов, который уже тогда работал в отделе агитации и пропаганды ЦК КПСС и прошел достаточно длинный путь по номенклатурной лестнице, рассказывал мне о том, что как раз весной 85 года был в Ставропольском крае в командировке и, посмотрев телевизор, радовался вместе со всем народом тому, что наконец-то к власти пришел новый человек, умеющий говорить без бумаги, с новыми идеями позарез нужными стране. В ответ на его восторженные высказывания он получил от местных функционеров, которые знали Горбачева как облупленного, холодный ироничный ответ:

- Зря радуешься, он только это и может.
- Что это? – переспросил Зюганов.
- Да очень хорошо болтать может и больше ничего!

Характеристика, конечно убийственная, но, положа руку на сердце, учитывая дальнейший ход событий, справедливая.

Однако до таких оценок в массовом масштабе было еще далеко.

Гласность, как норма жизни

В забеге на 100 метров Бrezжнева и Картера престарелый Генсек проиграл Президенту США.

В советских газетах по этому поводу опубликовали следующее:

Леонид Ильич занял почетное второе место, Президент США пришел предпоследним.

(Анекдот советских времён)

Вначале была гласность. Началась она с показа положенных когда-то на полку кинофильмов, рассказов о расстрелянных полководцах: Блюхере, Тухачевском, о расстрелянном Бухарине, об убитом ледорубом Троцком и т. д.

Душепрекращающие истории о нашем неустроенном житье-бытье в программе «Взгляд», о репрессированных народах, статьи невесть откуда взявшись экономистов типа Шмелева и Попова⁴ и т. д.

При этом нам, простым гражданам, казалось, что все это появляется на экране телевизора, в газетах и журналах, вопреки противодействиям ретроградов чуть ли не с боем. Тогда-то мы не знали, что тот же «Взгляд» был создан под непосредственным руководством г-на Яковlevа, и цензура на этой передаче была очень даже жесткой. Мой друг тоже впоследствии народный депутат РФ Владимир Маханов, один из руководителей забастовочного движения в Кузбассе, был приглашен тогда на одну из передач «Взгляда», посвященную этим самым забастовкам. Он приехал из далекого Прокопьевска, небольшого города Кемеровской области, в Останкино, но так и не был допущен на съемку. По чьей-то грозной команде его на передачу в последний момент не пустили, и Саша Любимов безропотно этому подчинился.

То есть цензура была жесточайшей и тот, кто очень тонко разрушал господствующую тогда коммунистическую идеологию, действовал по принципу: нужно говорить правду, только правду, но не всю!⁵

---

⁴ Например, благодаря им родился миф о тракторах: мол у нас их очень много, неэффективно работаем (На самом деле в США на 1 га пашни тракторов приходилось в разы больше. Все дело было в том, что туда их в больших количествах ввозили из стран полуколоний, так как там дешевая рабочая сила, а по статистике наши горе-экономисты учитывали лишь трактора, сделанные в США).

⁵ Подтверждением моих слов могут стать следующие откровения Яковлева: «Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика – механизмы тоталитаризма против системы тоталитаризма – сработала». (Цити-

Поэтому, когда рассказывали о Тухачевском, то не утруждали граждан информацией о том, что Тухачевский, как теперь известно, действительно готовил заговор, причем чуть ли не заодно с нацистами, что Блюхер был арестован не невинно, а за реальные многочисленные злоупотребления властью.

Нам говорили, что репрессированные народы пострадали, но никто не объяснял за что. Все, сваливая, на безумство тирана Сталина, нам забывали рассказать о том, что чеченцы и ингуши сорвали все проводившиеся в 41–43 годах мобилизации и по существу оказались народами дезертирами. Ранее и те и другие факты были засекречены, но вытаскивались факты только одной направленности.

Конечно, решение придуманное Сталиным было, мягко говоря, не самым лучшим, но с учетом условий военного времени это можно было понять. И советские граждане, жившие в мирные восьмидесятые годы, это наверняка поняли бы, если бы им, например, рассказали о таком историческом факте: Рузвельт в 1944 году всех граждан США японского происхождения посадил в концлагеря, и Верховный суд США признал эти действия в условиях военного времени конституционными! А ведь на территории США, в отличие от СССР, война не велась!

Про саперные лопатки, как потом показало расследование, не применявшиеся в Тбилиси, рассказывалось всюду. А о том, как в Тбилиси убивали русских, и рисовали эти лопатки на стенах домов рядом с трупами, молчали.

Позднее я сам на 1-ом съезде народных депутатов пытался передать ведущему программы «Взгляд» Саше Любимову материалы русских беженцев из Средней Азии о тех безобразиях, что там творились, которые обратились ко мне уже как к депутату с просьбой помочь, а он, скривившись, сказал, что сейчас это подавать в эфир нельзя.

А уж про фальсификации о количестве репрессированных в период сталинского террора я вообще молчу. В некоторых изданиях говорилось про 10–20 миллионов. А рекорд составляет цифра 67 млн. человек! (половина населения страны!) При этом точные исследования, проводившиеся, в частности историком Земсковым путем тщательного анализа статистической отчетности ГУЛАГа, говорят о том, что даже в 1945 году, когда была масса сидевших за сотрудничество с фашистами, в тюрьмах и лагерях находилось 1,6 млн. человек (*цитируется по книге «Манипуляция сознанием» С. Г. Кара-Мурза Изд-во «Алгоритм» стр. 402*).

То есть, по существу настоящей «свободы слова» не было и в помине. Тем, кто пытался, хотя бы как то возразить, сразу же затыкали рот и устраивали настоящую травлю, вспомним хотя бы историю с Ниной Андреевой, когда на публикацию ее статьи «Не могу поступиться принципами» в питерской газете дал разрешение Лигачев.

И, что греха таить, я по наивности вместе с «прогрессивной общественностью» очень переживал тогда, после этой публикации, что снова задули старые ветры, не понимая, что все цензурные ограничения того времени были направлены не против прорабов перестройки, а против тех, кто, сохраняя здоровый консерватизм, пытался предостеречь от опрометчивых шагов.

Кто знает, если бы была организована настоящая дискуссия по поводу дальнейшего развития страны, в которой с холодной головой были бы просчитаны все за и против по поводу путей перехода к рынку, может быть, и не было бы той катастрофы, которая обрушилась на страну в, как сейчас принято говорить, «лихие 90-е». Однако именно этого и не произошло, потому что высшее руководство страны взяло четкий курс на демонтаж всей советской системы.

Мне кажется, что главной движущей силой такого решения было интуитивное понимание управлением классом того факта, что советская элита, по сравнению с высшими кругами западного общества, находилась в гораздо менее выгодном положении.

В материальном плане все тогдашние привилегии партноменклатуры, которыми мы возмущались, не шли ни в какое сравнение с тем, что имеет высший класс на Западе.

Советские руководители могли лишь мечтать о виллах, замках и крупных счетах в банках, о передаче по наследству многомиллионных состояний любимым отпрыскам и так далее. Что они тогда могли?

Только пристроить своих детей-балбесов куда-нибудь по «посольскому делу», да и то, по сложившимся суровым правилам их отпрыски должны были отдыхать не на пляжах Ниццы, Канарских островов или на Бали, а в унылых блоках спецсанаториев Крымского побережья. А ответственность? За практически «нищенское» по сравнению с западными коллегами существование директора крупного предприятия должен был отвечать и за план, и бороться с пьянством, и думать об улучшении жилищных условий работяг, и посыпать людей в подшефный колхоз и прочая, прочая, прочая.

А первый секретарь горкома в придачу к плану, отвечал еще и за воспитание молодежи, снижение показателей преступности, рост благосостояния граждан и все это за блага в 2–3 раза выше, чем у рядового гражданина, а не в 20–30, как это принято в «свободных» странах. Вот это желание скинуть груз ответственности и оттянуться и привело в конечном итоге к катастрофе 90-х, так как лишь единицы из правящего номенклатурного класса не поддались соблазну...

Партия – дай, порулить!

Вопрос Армянскому Радио: «Почему в СССР сложилась однопартийная система?»

*Ответ: «Потому что, народ давно понял, что большие одной партии ему не прокормить».
(Аnekdot времен перестройки)*

Впрочем, в начале перестройки преобразования шли под достаточно невинным лозунгом: «больше социализма», причем хорошего. Логика была простая: до этого у нас был социализм ближе к казарменному типу, давайте теперь строить «социализм с человеческим лицом». Справедливо отмечалось, что повсюду наблюдается снижение фондоотдачи, которое, кстати, являлось всемирным процессом, и для его преодоления нужно ускорение научно-технического прогресса. И это было совершенно правильно.

Составлялись программы, проводились попытки подтянуть друг к другу науку и производство. Помню, как у нас в Горьком создавали филиал института машиностроения Академии наук, возникли идеи временных научных коллективов и т. д.

Но все это требовало и терпения, и времени, и сил. Ясно было, что изменение приоритетов в капитальных вложениях, усиление финансирования передовых технологий могло реально оказаться лишь через несколько лет. А всем хотелось быстрее и чтобы все делалось само собой, как там у них, при помощи «рыночных механизмов и демократии». Тогда и была затеяна политическая реформа. Мимоходом хочу заметить, что нечто подобное предлагается либеральной оппозицией и сейчас. В конце 80-х хотели перейти от однопартийной системы к многопартийной, сейчас хотят от президентской республики перейти к парламентской.

А суть все та же: вместо тяжелой реальной работы по вдумчивому и осторожному преобразованию общества, по существу, был выбран способ решения, который демонстрировали нам в известной басне Крылова «Квартет» осел, козел, мартышка и косолапый мишка, пересаживаясь от инструменту к инструменту. Ведь это гораздо легче, чем учиться игре на этих инструментах. И внешне смотрится гораздо эффектнее.

Справедливости ради стоит отметить, что во всеобщем хоре, с восторгом, поддерживающим политический плюрализм, уже и тогда звучали изредка трезвые голоса, причем не

со стороны «партноменклатуры», а со стороны научной общественности. Помню, например, Андраник Мигранян, известный ныне политолог, опубликовал, кажется в Литературной газете, статью, в который резонно заявил, что реформы должна проводить авторитарная власть, что коней на переправе не меняют.

Например, если нужно изменить курс самолета, то штурман должен с особой тщательностью выверить новый маршрут, учитывая все тонкости нового пути, а командир корабля должен принять решение и дать соответствующие команды. Только безумный может предложить в этой усложненной ситуации начать принимать решения путем голосования. Согласитесь, мысль резонная.

Но, куда там, это задним умом все крепки, а тогда его никто не услышал, на повестке дня стоял лозунг: Партия – дай порулить! И, конечно же, мне 30 летнему молодому человеку, такие сладкие слова, как «плурализм», многопартийность, свободные альтернативные выборы, как и большинству наших граждан, вскружили голову.

Почему я этим занялся

*Горбатого могила исправит.
(Поговорка)*

Когда меня в 1990 году избрали народным депутатом РСФСР, никто из моих старых знакомых этому не удивился, хотя никаких постов в иерархии власти периода так называемого «застоя» я не занимал, включая и работу в комсомоле.

Видимо дело было связано с тем, что все знали о моем особом интересе к общественным дисциплинам и большой любви к дискуссиям на эти темы.

Этот интерес возник еще в школе, наверное, во многом благодаря замечательному учителю истории Пьянковой Валерии Васильевне. Она не вдалбливала нам догмы, а учила мыслить на своих уроках.

Поэтому, много позже, учась в университете, я частенько высказывал радикальные мнения, в корне расходившиеся с официозом, но основанные на марксистском учении. Ну, например, в студенческие годы я носился с идеями о том, что у нас в стране произошло срашивание торговой мафии с номенклатурой. При этом я объяснял привилегированное положение торговцев и власть имущих их особым отношением к возможностям распоряжения социалистической собственностью⁶, пытаясь творчески развить учение Маркса о классах, которое как раз и понимало под классовыми различиями разное отношение к объектам собственности.

Скучные для многих занятия по истории партии и философии в то время обязательные для всех лиц, получающих высшее образование, для меня таковыми не были, так как я привык, что в школе уроки истории проходили очень интересно.

Например, когда мне поручили подготовить реферат по поводу национально-освободительных движений в Африке, у нас в связи с моим выступлением на семинаре по истории партии завязалась дискуссия, хотя обычно на таких мероприятиях царила сонная тишина.

Кстати, именно тогда я узнал о том, что в любой африканской стране вне зависимости от ее местонахождения существуют представители единого «племени Бенц». Так прогрессивные африканские журналисты презрительно называли продажных представителей родоплеменной знати, бес совестно продающих национальные интересы своих стран в обмен на роскошные автомобили Мерседес Бенц.

---

⁶ Много позже я узнал, что, оказывается, примерно такие же идеи высказывал Л. Троцкий. В своей книге «Преданная революция» он, пожалуй, единственный, предсказал возврат СССР к капитализму, потому что: «Привилегии имеют небольшую цену, если их нельзя передать детям по наследству. Поэтому привилегированная бюрократия рано или поздно захочет завладеть управляемыми предприятиями, превратить их в частную собственность», что и произошло.

Разве мог я тогда представить себе, что такое же племя через 20 лет расплодится и в нашей великой стране в огромных количествах?!

Ну, а нетерпимость ко всяческим безобразиям общественной жизни у меня видимо передалась по наследству. Моя мама, когда в 1963 году подняли цены на основные продукты питания, в знак протеста сняла портрет Н. С. Хрущева из кабинета на работе и ее хотели исключить из комсомола, но потом дело замяли. Да и Никита Сергеевич вскоре оказался «волонтеристом».

Еще со школы у меня имелась тяга к изменению и совершенствованию существующих порядков. На одном из комсомольских собраний мы постановили обратиться к властям с просьбой принимать от школ макулатуру за книги⁷, так же как и от граждан хотя бы в школьную библиотеку, чем немало озадачили «феодала» – так звали за глаза учителя истории, школьного парторга, который пообещал походатайствовать. Мы его очень уважали за то, что он прошел всю войну и, по слухам, вся спина у него была в шрамах от пуль. Скандалная история случилась у меня с поездкой в школьный трудовой лагерь после 9-го класса. После 8-го мы с удовольствием съездили в деревню Быковку и неплохо там отдохнули и поработали, но на следующий год случилось так, что все мои друзья разъезжались по спорлагерям, и я без них ехать не захотел. Директор школы на организационном собрании начал доказывать, что есть некий приказ, в соответствии с которым все не спортсмены должны ехать. В ответ на это я бурно выступил в защиту трудовых прав несовершеннолетних, был вызван в кабинет к директору, и имел с ним серьезный разговор. Дело кончилось тем, что я потребовал дать мне тот самый документ, на который наш «шеф» (*такая у директора была незамысловатая кличка*) ссылался. Конечно же я его не получил, так как такого не существовало в природе, и покинул кабинет победителем.

Примерно также я сорвал принятие повышенных обязательств в связи с открытием 25 го съезда КПСС. Какой-то умник в райкоме придумал, принять решение учиться без двоек и троек во время его проведения. Идиотизм тот еще. Тем не менее, лес рук в актовом зале после предложения завуча по воспитательной работе был поднят. Против предложения был один я и начал яростно осуждать коллектив родной школы за очковтирательство. Началась буча, и обязательства не были приняты.

А как мы спорили с учительницей истории! Когда я ехидно в очередной раз прохаживался по каким-нибудь несоответствиям между трудовыми рапортами и скучностью полок магазинов, или о странностях избирательной системы, когда избирать надо одного человека из одного, Валерия Васильевна восклицала: «Ну ты Сергей у нас прямо рупор капитала!» Проницательный читатель, а такие, я думаю, не перевелись со времен Чернышевского может ехидно заметить: «Ага, ну, конечно, сейчас он нам будет доказывать, что с пеленок был сторонником рыночных механизмов и врагом тоталитарной системы, что он еще в 19... таком то году предупреждал, что...»

«А вот и не буду!» – потому что все было как раз наоборот, если я и критиковал тогдашние порядки, то лишь отстаивая коммунистические идеи в их первозданной чистоте, в которой нам их подавали, потому что в 15 летнем возрасте нельзя не быть романтиком и не верить в возможность всеобщего счастья.

Нам ведь тогда внушали, что человек человеку друг, товарищ и брат, что у нас самая справедливая страна⁸, что все для блага человека и во имя его. Ну и конечно, когда расхождения с теoriей были вопиющими, всею силой своих юных сердец мы с моими школьными товарищами негодовали.

---

⁷ Дело в том, что в те времена действовала программа, в соответствии с которой в обмен на 20 кг макулатуры можно было купить дефицитную книгу, а пионеры по прежнему собирали ее за так.

⁸ И сейчас понимаешь, что, пожалуй, так оно и было!

Особенно были противны славословия вокруг нашего бровеносного Генсека, который на публичных выступлениях не мог оторваться от бумажки, и видно было, что плохо понимал то, что читал. Помню, как возмутила нас публикация во всех газетах, появившаяся 9 мая 1976 года в день Победы. На первых полосах, вместо подобающих празднику материалов был опубликован отчет об открытии 8 мая, накануне дня Победы, в Днепродзержинске бюста дважды героя Леонида Ильича. Учитель истории В. В. Пьянкова вяло отбивалась от меня, доказывая мне, что это восхваляются не заслуги лично Брежнева, а всей партии, а когда я разочарованный ее ответом снова стал к ней приставать какие к черту заслуги, в такой день – это же только позорит – она ответила – как взрослому человеку: «Сергей, позволь мне как члену партии на твой вопрос не отвечать!»

Так, что все знакомые, насмотревшись первых репортажей о жарких дебатах на сессии Верховного Совета СССР, после многих десятилетий всеобщего «одобрямса», зная мою любовь к политическим спорам, совсем не удивились моему избранию, посчитав, что там, где проводятся яростные дискуссии, самое для меня место.

Началось

Однако дорога к этому месту была далеко не прямой. В 1985 году, когда началась перестройка, я работал в Институте химии Академии наук СССР (ИХАН СССР) младшим научным сотрудником и с удовольствием занимался наукой (*высокочистыми веществами*), у меня уже было двое детей, и я с удовольствием занимался их воспитанием, но тяга к общественным проблемам, о проявлении которой я рассказал выше, в новых условиях будоражила мысли. Сейчас-то я понимаю, что многообразие мнений было кажущимся. Управляемые невидимыми дирижерами, все дули в одну дуду, но тогда статьи Попова, Шмелева казались, чуть ли не «откровением». Программа «Время», которую раньше можно было и не смотреть, теперь стала ежедневно сводкой с фронтов борьбы за перемены, во всяком случае, мне так казалось, и я не мог оставаться в стороне от нее.

Я зачитывался 45-м томом Ленина, где он говорил про хозрасчет, бонусы и другие рыночные атрибуты. Читал проект нового учебника по политэкономии, участвовал в открытой телефонной линии с академиком Аганбегяном, даже написал письмо Горбачеву с предложениями по ускорению реформ и т. д. и т. п.

В конце 1986 года я перешел работать программистом во ВНИИТСМ «Сириус». Причин было несколько и материальная (*платили больше*), и рядом с домом, и проблемы, которыми предстояло заниматься, были ближе к жизни: я начал разрабатывать системы автоматического проектирования технологических процессов. Несмотря на то, что я проработал в институте не очень много времени, меня избрали председателем Совета трудового коллектива отделения, когда в соответствии с законом «О предприятиях» такие органы стали избираться в трудовых коллективах. Я поступил в школу технического творчества при горкоме комсомола, их создали под эгидой программы НТТМ. Прочитал о ней в газете (*тогда интернета не было*), поехал на собеседование и поступил, начав штудировать различные методы раскрепощения творческих способностей.

Мне хотелось активно менять жизнь. В какой-то статье я тогда прочитал о людях с активной жизненной позицией, в которой, уж не знаю зачем, видимо в связи с определенной долей идиотизма автора, для упрощения вводилась аббревиатура для их обозначения – АЖПисты. И я, когда ко мне приставали с вопросами о том, что мне что ли больше всех надо, ерничая, отвечал: «Хочу быть АЖПистом!»

Ну, а, если серьезно, то тогда я сильно переживал от того, что слишком мало приклады-
ваю усилий для того, чтобы поменять наш несовершенный мир. В нынешние циничные времена

мена это кажется наивным, но слова из песни «Если не я, то кто же, кто же, если не я?» не были для меня абстракцией, именно так я и думал.

Поэтому, когда я прочитал в только что опубликованном законе о выборах народных депутатов СССР о праве на самовыдвижение, идея самовыдвищиться запала мне в душу. Дело было вовсе не в карьерных претензиях, а в том, что по молодости мне казалось, что изменения идут страшно медленно и их надо подталкивать. Нетерпением – классической болезнью российской интеллигенции, хорошо описанной русскими классиками, начиная с Достоевского, болел и я.

Поэтому когда в январе 1989 года в соответствии с законом о выборах была образована районная избирательная комиссия и в газете «Красный Сормович» поместили номер ее телефона, я решился позвонить. Звонил я из перехода в нашем институте, где был расположен телефон автомат, так как у нас в отделе был только внутренний телефон.

До сих пор помню, как в тот момент, когда я позвонил, представился и заявил о том, что собираюсь выдвинуться в народные депутаты СССР, на другой стороне трубы Председатель комиссии испуганно замолчала, и я буквально почувствовал ее паническую мысль: «Началось!»

Не сработавший «компромат»

По закону для выдвижения кандидатуры на окружное предвыборное собрание необходимо было провести сначала собрание по месту жительства, не менее 300 человек, или выдвинуться от трудового коллектива. Первый путь я отверг сразу. Слишком много людей надо было собрать.

Как потом выяснилось, таким высокочкой был не я один. В городе пытались выдвинуться сами еще несколько человек.

Во-первых, это был чудак из московского района (*не буду называть его фамилии, так как, вероятнее всего, он был не совсем здоров*), который приходил потом ко мне с идеей решения всех проблем общества путем проведения особых социологических опросов по выявлению потребностей каждого члена общества. Он пытался провести собрание жителей и не набрал нужного количества голосов.

Во-вторых, это был небезызвестный Борис Немцов, который сумел собрать собрание жителей, но потом, как и я, не прошел сито окружного предвыборного собрания.

Я же решил выдвигаться от коллектива. Для этого у меня были неплохие возможности. Несмотря на то, что я работал в институте чуть больше года, меня хорошо знали. Как я уже упоминал, меня выбрали в Председатели СТК отделения и я автоматом состоял в СТК института. Его заместителем был очень хороший человек начальник одного из отделений института, кандидат технических наук (*к сожалению, забыл его фамилию*). На заседаниях совета я выдвигал разные идеи, и мы с ним сработались, а, когда я рассказал ему про самовыдвижение, он очень загорелся и поддержал меня.

Мой непосредственный начальник, начальник НИЛ 412 Владимир Сабирович Бахтияров – здоровенный дядька с лицом артиста Фернанделя, яростный спорщик и большой демократ, тоже особо против не был. Тогда люди все новое воспринимали с большим интересом. Мое выдвижение толковалось сослуживцами не как карьеризм, а как смелость, как вызов партномернатуре и т. д. Тем более что, никто всерьез и не верил, что у меня что-нибудь получится. На СТК было решено провести собрание коллектива. Для этого нужно было, чтобы собралось более половины работников института. Этого не получилось. Тогда с заместителем Председателя СТК мы решили не останавливаться, и собрать конференцию трудового коллектива. Такое по закону тоже было можно. Администрация, поняв, что дело начинает носить не юридический

характер, наконец-то опомнилась. В райкоме руководству дали понять, что мое выдвижение нежелательно и попытались найти какой-нибудь компромат на меня.

Молодым людям, живущим в наше время, может показаться неправдоподобно мягкими те методы, которые пытались ко мне применить.

Но это было время, когда любое административное воздействие публично осуждалось. Поэтому директор института вызывал меня не к себе в кабинет, боже упаси, а в мастерские института и там, не глядя в глаза, начал намекать на мое, найденное ими с большим трудом, прегрешение. Я однажды забыл паспорт в командировку (*не шла программа, с которой я должен был ехать и до самого отъезда я ее правил, забыв обо всем*). И вот, мол, про такое легкомыслie придется рассказать народу на конференции! Ясное дело, что я на это отреагировал спокойно и правильно сделал.

На конференции после выступления заместителя Председателя СТК в поддержку моей кандидатуры о моей забывчивости рассказал начальник отдела кадров. Этот, в отличие от директора, не смущался и честно выполнял поставленную руководством задачу. Народ воспринял это как несправедливый поклеп и возмущенно зашумел. А когда выступил директор и намекнул на то, что я работаю в институте без году неделя и доверять такое ответственное дело мне рановато, народ начал откровенно посмеиваться. Дело в том, что директор работал в институте еще меньше чем я. Он был назначен директором всего лишь за полгода до описываемых событий, и это было последней каплей. Возмущенные массы почти единогласно выдвинули меня кандидатом в кандидаты!

Семь претендентов

Я не оговорился, именно кандидатом в кандидаты, так как по закону о выборах депутатов СССР выдвижение от коллектива еще не означало, что моя фамилия автоматом попадает в бюллетени для голосования. Необходимо было еще пройти через сито окружного предвыборного собрания. Избирательный округ состоял из двух городских районов Сормовского и Московского. При этом состав участников собрания формировался следующим образом: половину выборщиков представляли трудовые коллективы, выдвинувшие своих представителей, а вторую половину представители общественных организаций по месту жительства. Причем представители коллективов формировались так: выдвинули человека от одного предприятия – квота 20 человек на собрании, выдвинули от 2-х 40 и т. д. Так, например, среди кандидатов на нашем окружном собрании были такие, которых выдвинули аж от 4-х коллективов!

Всего нас было семеро. При этом от завода «Красное Сормово» выдвинул сам директор завода Жарков Николай Сергеевич, который, к слову сказать, является директором этого завода и поныне, несмотря на свои 75 лет! Сормовский район – в Нижнем это монорайон, все руководство района выходцы с завода и поэтому за директора они были горой. Тем не менее, из сормовичей кроме меня, был выдвинут еще и кандидат от завода Электромаш. Возможно, это была просто дань райкома установке на плюрализм, так как, насколько я помню, А. А. Борисов был выдвинут сразу 4-мя коллективами, а в те времена без согласования с руководством райкома партии это было бы сделать очень сложно.

Московский район организовал, видимо по инерции, выдвижение действующего депутата СССР классического как я его называл: «гертруда», рабочего авиационного завода (ГАЗИСО), героя социалистического труда, некоего Васильева В. А. Но сами заводчане авиастроители (*они делали самолеты МиГи*), выдвинули альтернативную кандидатуру начальника главного выпускающего цеха: Кузубова Владимира Федоровича. Так что, неформалов, то есть

тех, кто был выдвинут по инициативе и поддержке масс, а не от опостылевших властей⁹, было двое.

В связи с этим в воскресный день накануне собрания ко мне домой явилась целая делегация с авиазавода, которая просила меня снять свою кандидатуру в пользу Кузубова.

Тогда представлений о правой и левой оппозиции, как, например, сейчас, когда зюгановцы не терпят яблочников и наоборот, не было, все кто был альтернативой власти, считались чуть ли не единой командой.

Поэтому я, испытывал некоторую неловкость. Ну, кто я? Совсем еще молодой парень (*мне тогда даже 30-ти не было*), инженер-программист, а тут начальник цеха, руководитель, в подчинении которого сотни людей.

Однако пойти на попятную я не мог, хотя бы потому, что меня бы просто не поняли коллеги, которых я своим, действительно по тем временам нетривиальным поступком, взбудоражил и вдохновил. Поэтому я объявил делегатам о том, что ничего против Кузубова не имею, но не могу снять свою кандидатуру, так как я самовыдвиженец. Они как то сразу с этим согласились, и мы расстались полюбовно, договорившись, что в дальнейшем, если кто-то из нас доберется до избирателей, будем поддерживать друг друга.

Власти на местах тогда по-видимому еще не чувствовали опасности, нависавшей над ними. Они не понимали, что вновь избираемый депутатский корпус станет реальной властью, так как до этого Советы, избираемые по разнарядке, никакой власти не имели и лишь одобряли подготовленные аппаратом решения.

Может быть поэтому борьба, против неформалов типа меня, велась вяло, чисто по инерции, просто из тех соображений, что райкомовцы привыкли все держать под контролем и старались обезопасить себя от всяких неожиданностей.

Так, например, мне пришлось поменять доверенное лицо. Руководство института намекнуло горячо поддержавшему меня – заместителю начальника опытного производства, искренне желавшему мне помочь, о том, что это делать не надо.

В случае неповиновения ему, видимо, пообещали обнародовать какие-то неприятные факты его биографии, и он сдался. Сообщил он об этом, не глядя мне в глаза, так же, как до этого директор института, когда намекал мне на потерянный паспорт.

Но в результате получилось даже лучше, так как моим доверенным лицом стал некто Е. О. Ложкарев – заместитель начальника одного из отделений института, интеллигентный человек, умеющий складно говорить и на собрании, которое состоялось 14 февраля 1989 года, все выглядело очень солидно.

Почетное третье место

Кинотеатр, в котором проводилось предвыборное собрание, был самым большим в городе, делегатов, как написано в стенограмме собрания (*у меня сохранилась газета с отчетом о нем*) было 668 – полный зал и, конечно же, я волновался.

Председателем избирательной комиссии был К. Н. Панов – герой социалистического труда – сварщик завода Красное Сормово, человек уже пожилой, он и организовывал проведение этого собрания. Ясно, на чьей стороне были его симпатии, но он спокойно воспринимал мое присутствие как неизбежное зло.

Перед выходом на сцену нас собирали в какой-то небольшой комнате. Помню, что нам предложили чай и пирожные. Но я, как и все остальные, их есть не стал, было не до чаю. Все волновались. Панов сетовал на то, что самое страшное это вопросы, которые будут задавать,

---

⁹ Тогда казалось, что хуже партийной номенклатуры ничего не может быть. Ее представители чванливы, тупы, недемократичны. Глядя на некоторых нынешних властителей понимаешь: «Очень даже может!»

так как народ собрался всякий. Но я то, как раз вопросов не боялся. Язык у меня был подвешен неплохо, но когда мы вышли на сцену и увидели полный зал, стало немного не по себе.

Порядок выступления был организован по алфавиту, и так получилось, что я выступал последним. Как я уже говорил, стенограмма у меня сохранилась. Читаешь сейчас эти пожелавшие страницы и удивляешься. Удивляешься наивности представлений кандидатов, включая, естественно и меня, о путях переделки общества, оптимизму, той самой уверенности в завтрашнем дне, про которую раньше так неуклюже постоянно упоминала советская пропаганда, а мы, в большинстве своем, ей не верили, и поняли, что эта уверенность действительно была, только тогда, когда ее потеряли.

После нас выступали наши доверенные лица, а потом был объявлен перерыв.

В перерыве ко мне подошел секретарь райкома комсомола Сергей Обозов (*ныне он большой начальник в системе кириенковского Росатома*). Мы с ним, в свое время были приятелями, учились в одной школе. И вот теперь, он открыто подошел ко мне и посоветовал не терять чувство юмора.

До сих пор не знаю, что он тогда имел в виду, может быть несерьезность моих притязаний, но вопросов из всех кандидатов больше всего задавали мне, так что народ отнесся ко мне самым серьезным образом. Я на них отвечал, наверное, минут 40.

Может быть, все дело было в том, что я раскрывал людям глаза на новые функции депутатского корпуса, как я их понимал. Раньше депутаты были ходоками в Москву для выбивания средств, проводили приемы граждан, фактически выполняя функции нынешних омбудсменов, и поэтому и люди, и властная элита их так и воспринимала. Я, читая тогдашнюю прессу, уже хорошо представлял себе механизмы действия парламента, и понимал, что депутаты будут заниматься, в первую очередь, законодательством, и все это излагал избирателям, чем крайне их заинтересовал.

Конечно же, люди, облаченные властью и авторитетом, были раздражены, считая меня высокочкой, и пытались урезонить. Так директор завода «Электромаш», грузный мужчина, пристал ко мне с вопросом:

«Что лично вы сделали для перестройки?» – намекая на то, что, я, не имея перед обществом никаких особых заслуг, лезу в депутаты.

Я не растерялся и ответил:

«Я выдвинул себя в народные депутаты СССР!» – и сорвал массу аплодисментов, потому что по тем временам это выглядело сильным и смелым поступком, вызовом системе.

В результате, несмотря на то, что моих коллег, непосредственно поддержавших меня, было только 20 человек, а Васильев, рабочий авиазавода, снял свою кандидатуру в пользу начальника цеха своего завода Кузубова В. Ф., голоса распределились следующим образом:

Кузубов В. Ф. – 482

Жарков Н. С. – 311

Полозков С. А. – 206

Борисов А. А. – 106

Лунев А. Ф. – 68

Костин В. И. – 58

В результате, я получил почетное 3-е место. Собранием было решено оставить в кандидатах, которые будут внесены в бюллетени, двоих и, таким образом, я был отсечен, но вовсе не чувствовал себя побежденным.

Ребята из Центрально конструкторского бюро на подводных крыльях, которые были среди делегатов Жаркова, откровенно жали мне руки, кто-то дружелюбно успокоил:

«Ничего, мы тебя в Россию выдвинем».

А выборы у директора завода Красное Сормово выиграл Кузубов В. Ф., став народным депутатом СССР.

Где он сейчас, какова его судьба? Неизвестно. Помню только публикацию 90-х, в которой говорилось о том, что после распуска союзного Парламента Кузубов В. Ф. подался в фермеры и все.

Много, очень многое с тех пор изменилось. Нет страны, членом Парламента, которой он был. Завод ГАЗИСО, теперь он называется «Сокол», давно не выпускает никаких самолетов и все последние годы, как сейчас принято говорить «лежал на брюхе» и только недавно там что-то затеплилось. Но тогда и в мыслях ни у кого не было, что все будет так драматично развиваться. Воистину благими намерениями выложена дорога в ад!

Формалы и неформалы

Когда раствор перенасыщен, стоит только в одном месте появиться центру кристаллизации и из него сразу начинает вырастать кристалл. Так и в обществе. После моего выдвижения формально ничего не поменялось. Власть успокоилась, и меня даже пригласили вместе с институтским начальством в райисполком.

Сергей Васильевич Гладышев, председатель райисполкома, очень, кстати неплохой дядька, рабочая лошадка без устали везущая свой воз¹⁰, поблагодарил весь коллектив за активное участие в предвыборной кампании, а мне сказал, что с удовольствием приглашает меня поучаствовать в местных выборах через год.

Однако затем на меня начали выходить неформалы всех мастей. Я уже упоминал о странном жителе Московского района, который тоже пытался выдвинуться по месту жительства и не смог собрать нужное количество людей. Он позвонил мне по телефону, пригласил домой и изложил свой, как ему казалось, единственно верный способ удовлетворения всех нужд народа. По его мнению, надо провести опрос всех жителей по поводу их нужд, занести их чаяния в специально разработанные им таблицы по интересам и начать их удовлетворять. Всего и дел то! При этом он защищал свою идею так отчаянно, не желая видеть ее нелепость, что спорить было невозможно.

Сколько же я таких потом повидал и в стенах Белого Дома, и на приемах граждан! В подавляющем большинстве случаев их бурная деятельность была связана с ослаблением в период перестройки контроля над психическими больными, так как прессы превратила психушки чуть ли не в заведения, созданные исключительно для того, чтобы засадить туда всех инакомыслящих.

Жизнь показала, что советские психиатрические лечебницы были наполнены отнюдь не только диссидентами, и выпущенные на свободу больные¹¹, составляли значительную часть политически активных граждан.

Но выходили на меня и вполне нормальные и очень интересные люди, озабоченные преобразованием нашего общества. Так я познакомился с Олегом Масловым, инженером завода имени Фрунзе, выпускником радиофизического факультета Политехнического института. Он рассказал мне о разных неформальных клубах, которые плодились как грибы, про Демсоюз, (организация, которую возглавляла безумная Новодворская¹²), про подробности попытки Бори Немцова попасть в депутаты СССР. До этого Борис прославился своей борьбой с Атомной ТЭЦ

---

¹⁰ Он недавно ушел на пенсию с поста заместителя главы администрации Нижнего Новгорода.

¹¹ Много позже я проводил прием граждан в приемной Верховного Совета (они проводились нами по очереди) и был изумлен обилием сумасшедших среди посетителей. Добрая половина из них явно нуждалась в психиатрической помощи. Я пожаловался по этому поводу пожилому милиционеру, дежурившему в приемной. На что он, отвечал, что при Советской власти было не так. В очередь присаживался врач – психиатр, быстро вычислял больных и, когда наступала их очередь, больных вели совсем в другой кабинет, где их выслушивал врач и решал их проблемы соответствующим образом.

¹² Говорят, что в свое время она посидела в психушке, и я абсолютно уверен, что не зря. Это классическая городская сумасшедшая.

и благодаря ему и иже с ним город лишился уникального технического сооружения и возможности практически бесплатного отопления сотен домов для жителей Приокского района.

Впоследствии наше общение, хотя и не частое, продолжалось до самой смерти Олега. Он умер в 2012 году, не дожив до 55-летия, сильно болел, никогда никому не рассказывая о своих болячках. Позже, в 90-м году, его избрали депутатом нижегородского горсовета, а затем освобожденным председателем комиссии по экономической политике. Потом он был одним из основоположников травкинской демократической партии, раскусил истинную суть новой власти, оказался в оппозиции, и даже в 1995 году выдвигался в губернаторы Нижегородской области.

Последние годы Олег занимался политологией, вел собственный сайт «Еженедельное аналитическое независимое обозрение» (www.polit.nnov.ru) и был «свободным художником», зарабатывая на жизнь участием в предвыборных кампаниях. Он даже разработал свою теорию «холодных выборов», описывающую процедуру раскрутки человека задолго до начала выборов. Ясно, что такие заработка были нерегулярными и последние годы он, мягко говоря, не жировал.

Однако политологией он занимался вполне профессионально. Наиболее известной его работой стала статья в «Независимой газете», где он вместе со своим другом социологом Прудниковым, опираясь на данные выборов во Владивостоке и Нижнем Новгороде, во время которых были накануне голосования сняты кандидатуры наиболее перспективных кандидатов (*во Владивостоке – Черепкова, а в Нижнем Климентьева*) и поэтому число голосовавших против всех зашкаливало, заявили о том, что вскоре это станет массовым явлением. На мой взгляд, это было явным преувеличением, но наша трусоватая власть, испугавшись таких пророчеств, быстренько удалила такую возможность из наших бюллетеней. Так что теперь, благодаря Олегу, (*он то, конечно этого не хотел*), мы не можем послать всех наших властителей куда подальше, проголосовав против всех. А иногда очень хочется.

Но все это было потом, а тогда, несмотря на то, что рассказы Олега были крайне интересны, мне их было мало, потому что они были связаны с нагорной частью города, расположенной на противоположном от нашего Сормовского района берегу Оки.

Поэтому я сильно обрадовался, когда на меня вышел некто Семен Булаткин – рубщик цеха СКМ завода «Красное Сормово», который решил создать политклуб для рабочих. Мы с ним были немного знакомы по литературному объединению при газете «Красный Сормович», которое вместе с ним посещали. Узнав о моих «подвигах в кинотеатре», он пригласил меня в свой клуб.

На первом же заседании он заявил, что в клуб будут принимать исключительно по классовому признаку (*я исключение*), так как права рабочих должны отстаивать только они сами. Вообще в течение нескольких заседаний я понял, что главное для Семена найти врагов и самоизбавленно с ними бороться. Поэтому ничего удивительного нет в том, что впоследствии Семен стал классическим «ельциноидом» и во время событий 93 года объявил меня врагом народа. До этого было еще далеко, но, тем не менее, хотя излишней прямолинейностью и непониманием сложностей устройства общества отличался не только Семен, после нескольких заседаний я понял, что в рабочем клубе, прежде всего, надо проводить длительную разъяснительную работу и, что его лидер занимает слишком экстремистскую позицию.

Поэтому, когда я однажды, встретил Сергея Обозова (*того самого, который говорил мне про чувство юмора в кинотеатре «Сормовский»*), и он пригласил меня в свой политклуб, организованный райкомом комсомола, я с радостью согласился. Сергею можно было доверять, хотя я, как типичный представитель тогдашней научной интеллигенции, относился к комсомольским вожакам с неприязнью, совершенно справедливо считая, что большинство из них карьеристы, а тогда расталкивание других локтями считалось еще дурным тоном.

В отношении Сергея я так не считал, в том числе и потому, что знал историю его прихода в комсомол. Комсомольским вожаком Сергей стал из-за остро вставшего перед ним квартирного вопроса.

Окончив Водный институт (*Горьковский государственный институт инженеров Водного транспорта*) он работал мастером в одном из крупнейших цехов завода «Красное Сормово». Женился он рано, жить приходилось в двухкомнатной квартире вместе с родителями и младшей сестрой. Вместе с женой и сыном на 30 кв. метров полезной площади получалось аж 6 человек! И тут ему предложили должность освобожденного секретаря комсомольской организации цеха и сразу же место в общежитии. Как сейчас помню, встретил его в день рождения моей младшей дочери, когда я радостный бежал из роддома, а он попался мне навстречу. Меня он уважал, считая шибко яйцеголовым, и решил посоветоваться. «Дело, конечно, стремное, – сказал он, – но организационная работа мне по душе». Поэтому я тогда посоветовал ему соглашаться, а через 5 лет стать членом его клуба соглашался уже я.

Клуб «Выбор»

Клуб назывался «Выбор». Он собирался в центре Сормова в подвале дома, выходящего на так называемый «пятак» – небольшой площади около остановок автобусов. Дом был сталинский, большой, помпезный, на нем, сколько я себя помню, горела неоновая надпись, буквами прописью: «*Победа коммунизма неизбежна! В. Ульянов*». Когда мне было лет 7, я этой вывеской очень интересовался. Что означает слово «коммунизм» я уже знал, но не понимал, что такое «неизбежна» и спросил об этом у матушки. Она же, думая о своем, выразила свое сомнение по поводу этой самой неизбежности, и мне это почему то врезалось в память. Что ж, как показала жизнь, сомнения были не безосновательны.

Подвал числился за каким-то туристическим клубом завода. Находился он в ведении Комитета комсомола завода «Красное Сормово» и поэтому мы могли в нем беспрепятственно заседать, так как клуб «Выбор» возглавлял его Секретарь Сергей Владиленович Кириенко.

Да, да тот самый Кириенко – «киндер-сюрприз», Председатель Правительства РФ в 1998 году, а ныне руководитель Росатома!

Честно говоря, первую встречу с ним я не запомнил. Помню только, что впечатление он производил неплохое. Говорил быстро, умно, ладно.

В более поздние годы вокруг него и Бориса Немцова сложилось много разных легенд. Будто бы они были чуть ли не друзья с детства. Что ж некоторое сходство биографий, безусловно, имеется: оба родились на юге: Сочи, Сухуми, у обоих достаточно высокопоставленные отцы, еврейские корни и т. д. Однако я уверен, что никаких пересечений в молодости у них не было. Во всяком случае, когда я познакомился с Кириенко, он наверняка Немцова лично еще не знал. Да и слишком разные они люди. Немцов классический неформал и тусовщик, а Кириенко умный, послушный мальчик, упорно и методично делающий карьеру.

Сергей Владиленович окончил тот же Водный институт, что и Сергей Обозов, только немного позже. Иначе, наверное, и быть не могло, потому что его папа Израиль Владилен Яковлевич был заведующим кафедрой научного коммунизма этого самого института. Папа вел его к вершинам власти по вполне проторенному тогда пути, посоветовав идти не в науку, а в производство, для получения хорошей на тот момент биографии. Так Сергей стал мастером завода «Красное Сормово», но побыл им чуть меньше года, а потом сразу стал секретарем комитета комсомола завода, сменив на этом посту Обозова Сергея, который ушел на повышение в райком.

Ничего я этого, конечно, на тот момент не знал ни про папу, ни про его фамилию. Да и не до этого было, мы обсуждали на клубе разные политические новости, статьи в газетах и

журналах, которые в то время, выражаясь современным языком, заполнили все информационное пространство.

На клуб приходили люди разные, в основном заводская молодежь, комсомольские активисты, но были люди и постарше. Особенно запомнился Евдокимов Олег Михайлович – социолог с завода «Красное Сормово», к сожалению, он умер еще в начале 90-х – раковое заболевание. Он придерживался достаточно умеренных взглядов, например, доказывая мне, что главное не форма собственности, а организация производства (*в те времена, когда нам вовсю впаривали мысль о том, что все беды из-за отсутствия настоящих частных хозяев – это были достаточно самостоятельные мысли*).

И наоборот, был среди нас историк – сын редактора газеты «Красный Сормович», некто Черенков, яростный либерал, который уже тогда считал спекуляцию землей благом, ссылаясь на то, что такие уважаемые люди, как отцы основатели США, были заодно и земельными спекулянтами. Вообще, как это и бывает при революционных катаклизмах в обществе, впоследствии члены клуба очень разошлись во мнениях и стояли по разные стороны баррикад. Так, через 5–6 лет после описываемых событий этот либерал, случайно встретившись со мной на улице, начал поносить меня как предателя демократических ценностей.

Иногда приходили люди просто с улицы. Зашел как-то раз один слегка подвыпивший парень и предложил всем помириться: «Все мы русские люди, зачем бузу затевать? Добра от всех этих войн все равно не будет!»

После всех последующих катаклизмов сейчас я хорошо понимаю, что эти слова были гораздо мудрее многоного из того, что лилось тогда со всех трибун и с экранов телевизоров, и что пророки в своем отечестве есть, мы их просто не слышим.

Люди были разные, попадались и больные, однажды у одного из присутствующих начался эпилептический припадок, все растерялись, а я, где-то слышал, что больного надо уложить и дать ему успокоиться. Я так и сделал, подложив ему под голову его же сумку. У него пошла пена изо рта, а потом он, как и положено, успокоился. В этот момент Кириенко неприятно меня удивил тем, что презрительно отстранился от помощи товарищу. Ну удивил и удивил, все мы не без греха. Однако гораздо сильнее он удивил меня много позже.

Сергей Кириенко – первая попытка

Случилось это в 1992 году, когда я, будучи членом Верховного Совета, привез в Нижний Новгород группу американцев, которые по нашему замыслу должны были учить нижегородских предпринимателей бизнесу. (*На практике все свелось к многочасовым рассуждениям на общие темы, от которых наши люди ничего не получили*).

Удивило меня выступление Сергея на званом ужине в честь высоких гостей. Они тогда были чуть ли не первые американцы в городе. Не надо забывать, что в советские времена Горький был закрытым, и иностранцы были еще в диковинку. Поэтому встреча проводилась на самом высоком уровне.

Кириенко на тот момент был уже предпринимателем. В 90-м его избрали депутатом областного совета, а параллельно 2-м секретарем Обкома ВЛКСМ. Когда же после путча 91 года вся партийно-комсомольская система рухнула, он подался в бизнес. Если вспомнить, что, например, Ходорковский – бывший заместитель секретаря студенческой молодежной организации МХТИ, ничего в этом удивительного нет. Я по старой памяти пригласил Кириенко на эту встречу.

Встреча происходила в Доме архитектора, собралась вся властная верхушка области. Был недавно назначенный губернатором Немцов, а также недавно избранный Председатель областного Совета Крестьянинов. Прошло всего лишь несколько месяцев после ГКЧП и состав областных руководителей, как и во всей стране, сильно поменялся.

Было много тостов, речей, Кириенко пытался продать американцам хохломские игрушки, что выглядело, мягко говоря, не солидно и странновато, но еще более странной была его застольная речь.

Он объявил о том, что реформы в России напоминают реформы в Германии после второй мировой войны, но есть одна особенность. «К сожалению, – сказал он, – в России нет американских оккупационных войск!»

Так прямо и сказал! Поэтому меня не удивляет, что он впоследствии возглавлял список «Правого дела» на выборах в Государственную Думу, был своим для Чубайса и его компании. Потому что, по моему глубокому убеждению, наши российские либералы объединены вовсе не по идеяным соображениям, а каким-то патологическим холуйством перед западными хозяевами. Прямо, то самое «племя бенз», о котором я говорил выше.

Впрочем, может быть, это была с его стороны лишь дань времени. А времена меняются, например, несколько лет назад, я читал его очень толковое интервью в газете «Завтра».

Как бы то ни было, не удивительно, что он потом вошел в немцовское окружение и получил должность руководителя банка «Гарантia», через который прокачивались пенсионные деньги и, учитывая страшную инфляцию того времени, банк получал солидные кущи. Затем он стал директором ОАО «Норси Ойл» (Кстовского нефтеперерабатывающего завода), а через несколько месяцев в 1997 году вместе с Немцовым, приглашенным в Правительство на должность вице премьера, уехал в Москву.

После клуба «Выбор» жизнь нас не часто баловала встречами. Как то в 1993 году Кириенко, будучи в Москве, позвонил мне и попросил выписать пропуск в Белый Дом. Я пообещал, но тут на меня обрушилась какая-то новость, потребовавшая срочных действий (*не упоминать какая*), и я забыл про его просьбу. Через несколько часов Сергей, видимо найдя другие возможности, зашел и ко мне, чтобы пообщаться. Мне было нестерпимо стыдно за свою забывчивость.

Впрочем, он мне ответил тем же сполна. Когда его начали протаскивать в апреле 1998 года в премьеры через Государственную Думу, а удалось это сделать лишь с 3-го раза, я решил на него выйти, чтобы протащить кое какие полезные идеи. (*Кириенко хотя и неисправимый либерал, но надо отдать ему должное, на общем фоне выглядит неплохим менеджером и, как мне казалось, разумные вещи может воспринимать, руководствуясь не идеологическими, а практическими соображениями*). Сделал я это достаточно грамотно, через верного человека в Государственной Думе передал ему во время встреч с фракциями политических партий бумагу с предложениями, а потом, когда проходило заседание, рассматривающее вопрос о его назначении (*3-е, когда все и произошло*), пришел в Думу и встал в коридоре как раз напротив дверей, откуда он предположительно должен был выйти. Я угадал и, когда он вышел из зала, первый, с кем он встретился, был я. Ничего не понимающие фотокорреспонденты начали фотографировать, как мы здороваемся и он, пожимая мне руку, сказал, что читал мою записку, рад встрече, что надо обязательно переговорить и просил позвонить.

Я потом честно, используя, в том числе и телефоны правительственный связи, пытался до него дозвониться, но так и не смог получить доступ к телу. Впрочем, до больших начальников всегда сложно добраться, на то они и начальники, так что, как говориться, Бог с ним, с телом.

Мне бы, в довершение портрета Кириенко, хотелось высказать свою, может быть не бесспорную, но на мой взгляд очень правдоподобную версию неожиданного взлета Сергея Владиленовича, малоизвестного до того зам. министра топлива и энергетики, на 2-ой по значимости пост в государстве. Министром топлива и энергетики был тогда по совместительству Первый вице-премьер Немцов. Злые языки говорят о том, что кто-то в окружении Чубайса опасливо заметил об опрометчивости передачи Немцову такого поста, на что Анатолий Борисович, якобы, ответил: «Не бойтесь, этот оболтус все равно делать ничего не будет». Не знаю, насколько это правда, за что купил за то и продаю, но зато знаю точно, что версия рекоменда-

ции Кириенко в премьеры Немцовым не выдерживает никакой критики. Надо просто совсем не знать Бориса Ефимовича, чтобы такое предположить. Борис просто физически не мог кого-то из своего окружения предложить в начальники над собой, это чистейшая фантастика!

Мне кажется, что решение с Кириенко было первым неудавшимся маневром по подготовке «Семьей» замены престарелого Ельцина! Идея была в том, чтобы заменить его абсолютно своим, абсолютно послушным, никак себя не запятнавшим какими либо скандалами, малоизвестным человеком. Именно таким и был Сергей Кириенко, и именно его готовили на эту роль. Потом события дефолта, слишком явная либеральность, да, что греха таить, и национальность Владиленовича, не позволили это сделать, и следующей попыткой стало выдвижение Путина, по тем же критериям.

Но с послушностью они ошиблись и, по-видимому, уже тогда понимали это и хотели подстраховаться.

«Каким образом?», – спросите вы. А вот каким. В период первой избирательной кампании Путина по Москве всюду висели огромные щиты-бигборды: «Путин Президент. Кириенко премьер!» Но, что-то не сработало.

А вот во времена выборов 90 года не то, что бигборды, а даже самостоятельно напечатанные листовки не разрешались.

Самые свободные в мире

Начались эти выборы в январе 1990 года. К этому времени, в соответствии с действующим законодательством, завершался срок полномочий депутатов сразу нескольких уровней власти, одновременно выбирали в депутаты районных, городских, областных Советов и в народные депутаты РСФСР.

Следует отметить, что это были, пожалуй, **самые свободные выборы за все времена мировой истории**. Читатель, я не оговорился, именно мировой и поэтому они даже достойны того, чтобы внести их в связи с этим в книгу рекордов Гиннеса.

И я постараюсь это доказать.

Эти выборы были демократичнее аналогичных выборов на Западе, потому что у них, так гордящихся своей демократией, никогда не исключалась из выборов денежная составляющая. Фонды, платная реклама, что само по себе делает условия кандидатов неравными. А на этих выборах об агитации за деньги, о каких либо избирательных фондах не могло быть и речи.

Выдвижение кандидатов также было упрощено до минимума. В отличие от выборов в народные депутаты СССР, не надо было ни окружных предвыборных собраний, ни сбора подписей, как это происходит сейчас. Достаточно было провести выдвижение кандидатуры от трудового коллектива численностью не меньше трехсот человек, или от собрания жителей в таком же количестве, и кандидата вносили в списки для голосования.

Что касается использования административного ресурса, он всячески подавлялся сверху, осуждался общественным мнением, а власти на местах, что бы ни говорили о партократах, в те времена были гораздо менее циничны, чем сейчас. Во всяком случае, у нас в Горьком это никак не отражалось на предвыборной агитации. В этом смысле все были равны.

О фальсификации выборов при тогдашней «уверенности советских людей в завтрашнем дне» (*члены избирательных комиссий и были этими самыми людьми*) не могло быть и речи. Чем могли пригрозить члену избирательной комиссии в те времена? Увольнением с работы? Ха! Да при действовавшем тогда трудовом законодательстве это было бы фантастикой¹³.

---

¹³ Я помню, как много лет спустя усадил своих детей, было им тогда лет 12–14, смотреть фильм «7 стариков и одна девочка», в котором есть забавный эпизод, когда главная героиня фильма, молодой специалист хочет чтобы ее уволили с работы и приходит к юристу посоветоваться. Юрист, его отлично сыграл Папанов, торжественно ей заявляет: «Молодого специалиста у нас уволить невозможно!» Моя дочь, сознательная жизнь которой началась уже в рыночных условиях, спросила

Не обошлось, конечно, без некоторых ухищрений тогдашних властей имущих, о них я расскажу ниже, но, по сравнению с грязными технологиями, применявшимися позднее, это был детский лепет.

Наш клуб «Выбор» подготовился к этим выборам во всеоружии. В один из первых выходных дней Нового 1990 года комсомольский актив выехал под Дзержинск на какую-то турбазу, с целью проведения учебы по предвыборной агитации. Сергей Кириенко проводил, как бы мы сейчас сказали, мастер классы.

Они заключались в том, что проводились психотренинги по разным ситуациям: проведение переговоров с целью настоять на своем, выудить информацию и т. д. Сергей только что вернулся из командировки в Москву и привез эти новомодные методики оттуда.

Олег Евдокимов зачитывал перехваченные где-то, наработки горкома по поводу подготовки к выборам. Были они не шибко умными, и мы все хотели. Стоял сильный мороз, мы в промежутках между занятиями катались на лыжах и договаривались о выдвижении кандидатов в депутаты.

Как я уже упоминал, выборы были многоуровневые, и поэтому кандидатских мест хватало. Всех людей раскидывали по бригадам. Ее возглавлял кандидат в областной Совет, к нему пристегивались кандидаты по городскому округу, а в городские, кандидаты по району по этой же территории, получалась своеобразная пирамида.

Реально выдвижения произошли позже. Меня наш институт выдвинул в кандидаты в депутаты РСФСР уже практически автоматом. Никто из администрации института особо не препятствовал. Коллектив ЦКБ на подводных крыльях, как они и обещали мне годом раньше, на окружном предвыборном собрании, также выдвинул мою кандидатуру. Одновременно, как мы договорились с Обозовым и Кириенко, райком комсомола выдвинул меня в райсовет по одному из округов.

С регистрацией никаких проблем не было и вскоре нас, кандидатов в народные депутаты РСФСР, собрали в здании Сормовского райкома партии для вручения кандидатских удостоверений.

Всего нас было 6-ро. Первый секретарь горкома партии Юрий Александрович Марченков, секретарь Сормовского исполкома Черемушкина Альбина Владимировна. Завод «Лазурь» выдвинул Маслова Валентина Павловича. Он ранее был председателем колхоза в Чкаловском районе области, и был изгнан оттуда с каким-то скандалом. Короче говоря, он был из разряда обиженных. Как потом практика показала, самый радикальный элемент в Парламенте. Коллективом соседнего с нашим института ЦКБ «Лазурит» был выдвинут заместитель главного конструктора – Бабанский Юрий Борисович, классический шестидесятник. Мне он запомнился необычными по тем временам идеями. Так, излагая свою программу, он предлагал избирателям подумать, как нам лучше будет жить в СССР, вместе с остальными республиками или отдельно в России, чем меня тогда сильно озадачил. Кроме того, выдвинулся один из первых кооператоров – некто Каптерев Сергей Евгеньевич, врач по образованию. Впоследствии он проделывал это неоднократно, участвуя во всех выборах, которые потом проводились и всегда с отрицательным результатом.

Всем нам вместе с удостоверениями зачем то вручили по красной гвоздике. Я первым догадался подарить ее единственной из нас женщине Альбине Владимировне Черемушкиной. Кстати, ее выдвижение было достаточно загадочным, потому что официальным кандидатом от власти был первый секретарь горкома Марченков, а выдвижение двоих лиц от власти вело лишь к распылению голосов. В связи с этим наши «пикейные жилеты» из клуба «Выбор» имели массу различных гипотез одна фантастичнее другой, но, на мой взгляд, самой правдоподобной была следующая, на тот момент Горбачев проводил массу разных реорганизаций, и одна из них

предполагала устранение должности секретаря районного исполнкома. Поэтому она решила, что ей терять нечего.

Впоследствии, чисто по-человечески, она вызывала у меня наибольшую симпатию из всех моих соперников. Сергей Обозов, например, рассказывал о том, как видел ее убегающей по коридорам райисполкома от благодарных посетителей с цветами и подарками, которым она в чем-то здорово помогла, и можно было не сомневаться в том, что это правда. Согласитесь, такая щепетильность – это архаизм, который, к сожалению, практически исчез в нашей современной жизни.

Встречи и листовки

Далее события разворачивались стремительно. Областная избирательная комиссии потребовала от нас агитационные материалы. Предполагалось, что будет выпущена одна большая листовка для всех кандидатов. Ее должны были вывешивать на всех агитационных пунктах и в общественных местах. Кроме того, по 1000 экземпляров доставалось каждому кандидату для личной агитации.

С этой листовкой получился достаточно забавный казус. Я, естественно, подготовил для листовки достаточно, как мне тогда казалось, развернутую программу. Обсуждал ее долго со своими друзьями, распечатал и под расписку сдал в комиссию.

Листовка

Затем мне позвонили и сказали, что нужна не программа, а биография, что данный текст не подойдет. Я начал возмущаться, почему я не могу напечатать то, что хочу, но мне сказали, что иначе печатать не будут. Ясное дело, что я был поставлен в достаточно затруднительное положение: Мне было 30 лет, кроме школы, университета и 2-х научных учреждений, где я успел после него поработать, особо мне рассказывать о себе было нечего. Видимо на это и рассчитывали те, кто хотел охладить мои амбиции.

Наивные, они не читали классиков. Если бы читали, то знали бы, что на выборах прежние заслуги практически никогда не учитываются. Еще Цицерон с горечью писал о том, что римляне, которых за год до выборов в Сенат он спас от голодной смерти, направив из своей провинции и за свой счет караван с хлебом, предпочли ему другого, который никого не спасал, но наобещал горы.

Тогда судиться с избирательными комиссиями было еще не принято, и я честно пытался написать новый текст, но уже начались предвыборные встречи, официальные и инициирован-

ные мной лично, поэтому времени катастрофически не хватало. Тут видимо, кто-то цыкнул на тех, кто-тормозил с публикацией, и листовка вышла с моим первоначальным текстом. Она у меня сохранилась. Из программы следовало, что я такой то, такой то, в прошлом году выдвигался в депутаты СССР¹⁴, полон сил и энергии для борьбы за интересы России. А далее следовала программа из более десятка тезисов. Сейчас этот текст выглядит достаточно наивно, но некоторые идеи актуальны и сейчас.

Во всяком случае, когда меня потом упрекали за уход в оппозицию к Ельцину и К., я приводил пункт из своей предвыборной кампании о том, что я с самого начала был против реформ за счет народа и предполагал, например, необходимость мер по занятости населения.

А кто-то из политологов потом мне говорил, что только у меня единственного в предвыборной программе нашел мысли по поводу обеспечения « занятости».

Вряд ли, конечно, это было только у меня, но, большинство кандидатов, требовавших рыночных реформ, действительно грешило тем, что совершенно не задумывалось обо всех последствиях введения рыночных отношений. Они видели лишь одну сторону медали – изобилие товаров в магазинах. Большинство программ представляло собой набор лозунгов: «за все хорошее, против всего плохого». В этом плане моя программа, все-таки, несмотря на наивность, отличалась от таковых.

Выборная компания была организована по всем канонам советской системы, которая работала достаточно слаженно. Для нас был назначен секретарь избирательной комиссии, инструктор райкома, очень корректный молодой человек по фамилии Дружинин.

Всего было назначено 6 или 7 встреч с избирателями, в разных точках нашего Сормовского района, который одновременно был избирательным округом по выборам в народные депутаты России. В нем было 130 тысяч избирателей. Встречи проводились в основном в школах или клубах. На них все 6 кандидатов выступали с речью, а затем нам задавались вопросы.

Но я тогда был молодой и неугомонный, и мне этих встреч было мало. Я организовывал их сам. Список предприятий я добыл у того же Сергея Обозова.

Самым надежным оказался список с телефонами организаций, по которому проводилась раздача продуктовых наборов. Я звонил в дирекцию, договаривался о сроках встречи и ехал. По закону у меня был месячный отпуск на время предвыборной кампании. И, хотя дела заставляли приходить на работу, график у меня был достаточно вольный.

Так я побывал на ЗКПД-4, ЦКБ, пассажирском автотранспортном предприятии, асфальтовом заводе, на автобазе № 5 и еще во многих местах, всего и не упомнишь.

Через членов клуба, которые избирались по своим районным, городским и областным округам, я узнавал об их встречах. Там где выдвигалось начальство, народ собирали всеми правдами и неправдами, и я туда тоже проникал.

Сделать это было проще простого. Нынешние молодые люди с трудом в это поверят, но тогда в школах охраны не было, не нуждались они в этом, и поэтому, когда родителей собирали на родительское собрание, а потом выкатывали им начальственных кандидатов, я туда приходил, возмущался вместе с ними и заодно, рассказывал о себе. Эффект был очень неплохой.

Таким образом, я однажды попал на одно заседание вместе с С. В. Гладышевым, который к тому времени уже стал секретарем райкома партии, в самый отдаленный поселок района Дубравный. Заседание закончилось поздно, и он взялся меня подвести на своей служебной Волге до центра Сормова. Мы тогда разговорились, и он, человек с юмором, узнав о моем походе на автобазу, пошутил: «Ну, хорошо, что живой ушел! Там каждый второй после зоны!»

---

¹⁴ Еще раз повторюсь, тогда это было не символом карьеризма, а свидетельством независимости и альтернативности власти.

Для обсуждения текущей ситуации мы часто собирались у Обозова на 1-ом этаже здания райкома партии, где находился райком комсомола. Удивительное дело, но тогда практически два конкурирующих предвыборных штаба находились в одном здании!

Агитация проводилась и, как теперь принято говорить, от «двери к двери». Ведь тогда о кодовых замках в подъездах даже никто и не помышлял, и агитаторы свободно могли заходить и звонить в двери квартир.

Помню, один особо рьяный агитатор из клуба «Выбор» умудрился позвонить в квартиру Черемушкиной и, не узнав ее, агитировать за меня.

Еще больший переполох члены клуба устроили, когда около мебельного магазина, который был тогда одним из центров коррупции (*все знали, что там продают за большую переплату дефицитные югославские стенки*), вывесили рукописные листовки: «К стенке тех, кто-торгует стенками!». Ясно, что это было написано в переносном смысле, но избирательная комиссия затягивала целое расследование и на него пригласили меня.

Я, конечно, сказал, что это ребячество и глупость, но публично заявлять о том, что это неудачная шутка, как предлагала комиссия, еще большая глупость, так как об этой «веселой» листовке тогда узнают не только жители улицы Энгельса, где этот магазин находился, но и весь район. С моими доводами, в конце концов, согласились и дело «спустили на тормозах».

Сам я тоже ходил по квартирам, а однажды, благодаря комсомольской организации, даже по общежитию завода «Красное Сормово». Некоторые из жителей «общаги» шли на контакт неохотно, кто-то говорил, что будет голосовать только за рабочих, большинство же удивлялось, но вели беседы очень дружелюбно и заинтересованно.

Самостоятельная печатная агитация, как я уже говорил, не разрешалась, а от руки листовки можно было делать.

Мои коллеги по работе, члены семьи по трафарету писали такие листовки.

Ребята из клуба накануне голосования сделали маленькие листики-пирамидки: район ___, город ___, Область ___. Россия: Полозков С. А., аккуратно вписывая всех наших кандидатов, и разбрасывали их по почтовым ящикам.

Расклеивали мы листовки и рукописные, и вырезанную из общей, напечатанной в типографии листовки единой на всех кандидатов (*ее расклеивали во всех официальных местах*), мою программу с фотографией. Было это достаточно канительное занятие, так как выборы проводились в феврале марта, и морозы стояли приличные. Но в этом мне помогали все. Да и я сам по вечерам проводил рейды по району с кисточкой и kleem.

Телевидение, митинги и «козни»

Кульминацией выборов было выступление по телевидению. Нас пригласили в прямой эфир в будний день вечером. Я страшно волновался. Выступление перед аудиторией, которую видишь, это одно, там сразу видна реакция людей и по существу такое выступление – диалог. А на телевидении все оказалось по-другому.

Во-первых, нас всех напудрили в гримерной. Это было странно и неприятно. Парикмахерша мне объяснила, что это необходимость, иначе блики от осветителей сделают физиономию на экране телевизора не узнаваемой.

Во-вторых, в зале сообщили, что смотреть нужно не на ведущего, а в камеру, что также было непривычно. Но в результате получилось, как все говорили, очень даже неплохо. Как это у меня бывало и раньше в момент выступления все волнение ушло, речь я подготовил и очень многим понравился.

Во всяком случае, кто-то из членов нашего клуба мне потом рассказывал как его отец, далекий от политики, глядя на телевизор, сказал, показывая на меня: «Вот за этого, молодого, буду голосовать».

Проводились и митинги. Один из них организовал уже упоминавшийся Семен Булаткин. Было это около Дома спорта «Сормович» на набережной реки Параси, буквально в 300-х метрах от райкома партии.

Микрофоны гремели так, что было слышно на весь Юбилейный бульвар, который вдоль этой речки был построен и где неподалеку жил я. На этом митинге я впервые встретился с Борей Немцовым. Он был в дефицитных тогда джинсах, кудрявый с непокрытой головой, хотя было достаточно холодно. На митинге я выступил, но почувствовал разницу между его стихией и встречей с избирателями в цехе, излишняя агрессивность и накаленность участников митинга меня несколько смущила. Страсти зашкаливали, и это мне не очень понравилось, зато Боря был в своей стихии и тогда, я его, за умение ею управлять, зауважал.

Теперь о «кознях». В основном они были связаны с отказами в проведении встреч. Я разными изощренными способами проникал на завод Красное Сормово, через членов клуба, через родителей, которые у меня работали на этом заводе.

Он ведь был огромный, раскинувшийся на несколько километров вдоль берега Волги. На нем работало тогда 20 тысяч человек! Так вот, иногда мне вежливо отказывали сразу, иногда отказывали уже в день встречи, что было досаднее всего. Помню, как в один из таких дней мне вечером позвонил подвыпивший парторг цеха, в который меня не пустили и долго грустно извинялся за то, что не смог мне помочь.

Однажды мне позвонил человек, назвал свою фамилию и должность – руководитель Сормовского отделения КГБ, и пригласил на встречу.

Я хотя и мог отказаться, решил пойти, было интересно, что же он мне скажет.

В целом я был разочарован. Разговор был в общем то ни о чем. Он расспрашивал меня о моих программных предложениях, посетовал на то, что реформам трудно пробивать себе жизнь, в общем говорил достаточно банальные вещи. Зачем он со мной эти разговоры вел, для меня тогда осталось загадкой.

Потом через много лет другой КГБшник, ставший политологом, рассказал мне о том, как принимал тогда участие в секретном совещании в райкоме, на котором думали о том, как бы найти на меня какой-нибудь компромат, и, может быть, эта встреча была неуклюжею попыткой его разыскать.

Схема достаточно банальная, помните, про забытый паспорт? Они повторялись! Это еще раз доказывает, что не было у уходящей власти свежих идей!

За время проведения всей компании я почти до самого конца не был уверен в успехе. Ведь тогда не было никаких социологических опросов, на основании которых составляют рейтинги. Мы, правда, на свой страх и риск пытались проводить обзвон по телефонам, но на вопросы о том за кого вы будете голосовать, люди отвечать категорически отказывались.

Да и никто ни в чем не был уверен, слишком всесильной многие годы была КПСС. Многие по-прежнему считали, что все у них под контролем, да и сами они так думали. После выступления по телевидению, первый секретарь Марченков, по-отечески журил меня за мое предложение отменить шестую статью Конституции¹⁵, заявив о том, что это, батенька, социал-демократия и совершенно невозможно.

Ему казалось, что их власть по-прежнему крепка и незыблема. Ни я, ни он не могли предположить, что всего через 2 года у власти будут не то, что социал-демократы, а оголтелые социал-дарвинисты, ненавидящие все советское, а стариков-ветеранов 23 февраля 1992 года не пустят возложить венки к Вечному огню и избьют, а я окажусь в оппозиции к новой власти.

Даже когда проходил митинг в поддержку перестроичных сил на центральной площади города, площади Минина (*я там сам не выступал, мне удалось, лишь прописнуться в первые*

---

¹⁵ Напомню, эта статья определяла главенствующую роль КПСС.

ряды слушающих), и я видел, как были растеряны первые лица области, не был я уверен в своей победе.

Впервые я почувствовал, что все идет к выигрышу буквально за несколько дней до голосования, когда кто-то из коллег по работе сказал мне, что на городской партконференции разразился скандал. Он был связан с тем, что были обнародованы сведения о том, что Марченков купил себе вне очереди Волгу в конце года по старой цене, зная, что с Нового года цена на нее возрастет¹⁶.

И хотя эта информация была кулуарной, нигде формально не обнародованной, после этого мне как то стало ясно, что основной конкурент, вероятнее всего уже не конкурент.

Так оно и вышло. 4-го марта 1990 года, после первого тура выборов, а тогда по закону можно было быть избранным только, если на выборы пришло более 50 % избирателей и более 50 % из них проголосовали за данного кандидата, за меня проголосовали 36 % голосовавших. На втором месте с большим отрывом – где то около 13 % оказалась Черемушкина, а Марченков оказался лишь 3-им.

Результаты выборов были вскоре опубликованы, с разбивкой по избирательным участкам, и мы наблюдали забавные вещи. Например, в поселке Копосове, где в частные дома проводился газ, там, где его уже провели, голосовали за меня, на 2-х участках, где его должны были вот, вот провести, видимо была проведена соответствующая работа, и голосовали дружно за Марченкова, все у кого в ближайшее время газа не предвиделось, голосовали за меня. Вот такая вырисовывалась социология!

Разрыв в голосовании у нас с Черемушкиной был настолько велик, что для победы нужно было обеспечить лишь явку народа на второй тур.

С. В. Гладышев, освобожденный после поражения Марченкова партийной дисциплиной по поддержке своего кандидата (*Черемушкина была, хотя и из станицы власти, но фактически самовыдвиженкой*), пригласил меня к себе в гости и откровенно заявил: «Я лучше за тебя буду голосовать, чем за нее».

Второй тур состоялся 18-го марта на следующий день после моего дня рождения. Мне исполнился 31 год, и на следующий день я стал народным депутатом РСФСР.

В день голосования агитация, также как и по ныне действующему законодательству, была запрещена и мы, предчувствуя победу, собирались у Сергея Обозова, и начали рисовать структуру комиссий райсовета! Мы просто рвались в бой, строя планы новой жизни!

Ушел я из райкома комсомола уже в десятом часу вечера, а где-то около одиннадцати часов Сергей мне позвонил и сообщил о том, что подсчет голосов практически закончен, и я победил. Окружная избирательная комиссия находилась все в том же здании райисполкома, и поэтому Сергей о результатах узнал раньше всех.

Узнав об этом, мы с моим старым студенческим дружком Сергеем Сорокиным, который, как мое доверенное лицо, дежурил на одном из избирательных участков и опоздал на последний автобус домой, решили, несмотря на поздний час, отметить победу.

Как то так получилось, что алкоголя дома не было, кроме чистого медицинского спирта. Его нам выдала моя жена Татьяна.

Мы с ним пили за мою победу, за удешевленные возможности менять мир к лучшему, а Татьяна, чуть пригубив, пессимистично заметила:

«Ничего хорошего из этого не получится!»

Что ж, все таки нельзя не удивляться женской интуиции.

---

¹⁶ Согласитесь, на фоне миллиардов рублей, фигурирующих в деле того же Оборонсервиса, прегрешение секретаря горкома смотрится как невинная шалость.

Часть 2. Народный депутат РСФСР, первые шаги

Прорвались!

В результате выборов из 27 депутатов от Нижегородской области (*24 по территориальным и 3 по национально-территориальным округам*) было избрано 8 человек в возрасте около 30 лет, причем практически все из них ранее не имели никакого отношения к действующей власти. В Нижегородском районе был избран Саша Уткин – молодой мастер цеха одного небольшого оборонного завода. По Дзержинску выбрали историка Мишу Сеславинского¹⁷, Городецкий и Балаханинский районы – избрали молодых директора школы Колю Бармина и главврача городской больницы Александра Карцевского¹⁸.

На Бору выбрали Игоря Мозго, земляка сормовича, выпускника сельхозинститута, работавшего после распределения в одном из колхозов Борского района. В Выксе избрали Сергея Наумова¹⁹, который был самым молодым зам. Председателя горисполкома. Ну и по национально-территориальному округу, который охватывал весь Горький, избрали Бориса Немцова.

Вскоре после выборов нас вызывали в Кремль, где Председатель облисполкома Александр Александрович Соколов, заслуженный человек, уже в возрасте, бывший в свое время председателем исполкома города и тоже, как и я сормович, поздравил нас с избранием и вручил всем временные удостоверения о том, что мы являемся народными депутатами РСФСР.

29 марта прошла сессия Сормовского райсовета (*Параллельно я был избран и в него*). После бурных дебатов Председателем избрали Гладышева Сергея Васильевича, а его заместителем Сергея Обозова. Так у нас в районе был установлен паритет между старыми и новыми людьми во власти. На этом же заседании утвердили список наказов избирателям²⁰, который, как утверждал Гладышев, был таким обширным, что исполнить его можно было эдак лет за двадцать.

Параллельно проходила масса различных встреч неформалов, впервые попавших во власть. Мы встречались в доме ученых, в горсовете, у Бориса Немцова дома (*он снимал квартиру центре города в каком-то деревянном доме*), обсуждая вопросы организации нашей работы.

Конкретных ответов на них не было, и поэтому мы очень обрадовались, когда нас пригласили на 31 марта – 1 апреля в Москву на совещание «демократически» настроенных депутатов РСФСР по адресу: улица Калинина, 27. Честно говоря, даже не помню, кто собственно нас собирал: Межрегиональная группа союзных депутатов, авторы платформы «Демократическая Россия», которая была опубликована в журнале «Огонек», или кто-то еще. Все политические силы, кроме, конечно КПСС, были еще организационно не оформлены.

В те времена была большая проблема достать билеты в Москву, особенно в выходные. Поездов ходило намного больше, чем сейчас, но и цены были ниже и, главное, многие жители Горького ездили в Москву за продуктами и другими товарами²¹. Дефициты были самым большим злом советской экономики и тот, кто говорит о том, что с советской экономикой все было

---

¹⁷ С 2004 года бессменный руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

¹⁸ Ныне министр здравоохранения Нижегородской области.

¹⁹ С 2001 г. по настоящее время министр образования Нижегородской области.

²⁰ Наказы были очень интересным институтом советской власти. Они собирались в процессе выборов, и потом депутаты должны были добиваться их исполнения. Это касалось решения какого-нибудь местного наболевшего вопроса от установки светофора до строительства больницы или моста.

²¹ В Горьком даже был популярен такой анекдот: Вопрос Армянскому радио: «Большой, зеленый, колбасой пахнет. Что это?» Ответ: «Поезд Москва-Горький».

хорошо – просто не знает реального положения дел. (*Другое дело, что совсем не обязательно нужно было уничтожать всю высокотехнологичную промышленность, для того, чтобы в каждом закутке без проблем можно было выпить пива*).

Но для нас теперь вопрос билетов решался просто. Как нам объяснил Соколов, нужно было подойти к специальной кассе на вокзале и предъявить удостоверение. Правда, сначала это вызвало смятение кассира, она начала звонить куда-то, потом меня отослали в другую кассу прямо в облисполкоме, но все, в конце концов, уладилось и билеты я получил²².

Калинина 27 встретила нас разноголосицей мнений, сошедшимися с экранов телевизоров лицами уже известных депутатов Союза, и все той же организационной неразберихой. Предполагалось, что должен вступить Ельцин с предвыборной программой, однако в первый приезд этого не случилось. Перед нами выступил Николай Ильич Травкин, полузабытый теперь про-раб перестройки, будучи в советские времена строителем героем социалистического труда, но, в отличие от большинства таких героев, бывший острым на язык и в оппозиции к партийным органам. Он отличался тем, что мог очень образно и просто выразить назревшие в обществе идеи. Вот и на этой встрече он с иронией заявил, обращаясь к партноменклатуре:

«Так-то, руководить как вы, мы можем, нам лучше надо!»

К сожалению, жизнь показала, что Николай Ильич был слишком самонадеян. Сейчас любой аппаратчик брежневских времен выглядит, по сравнению с нынешними чиновниками, блестящим организатором и честнейшим человеком.

Но тогда мы все были полны энтузиазма, и главным на этой встрече было живое общение с теми, кто также как и я, во многом неожиданно для самих себя, оказался вовлеченным в самый эпицентр политических баталий. Там я впервые увидел своих будущих друзей и товарищей по фракции «Смена – Новая политика» Игоря Муравьева, Андрея Головина, но первым, с кем я тогда плотно пообщался и познакомился, был Борис Немцов.

Он до сих пор является хоть и скандальной, но вполне реальной фигурой политической жизни, этакий старожил с 90-х годов. Но мне хотелось бы о нем рассказать не только поэтому, а потому что, на мой взгляд, Борис являлся классическим представителем нашей псевдолиберальной элиты, самым точным выразителем ее настроений, идей и длительное время был «законодателем мод» ее поведения.

Борис Немцов как зеркало российских реформ

«Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых, как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской буржуазной революции».

В. И. Ленин «Толстой как зеркало русской революции» (Пролетарий, 1908, 11 (24) сентября, № 35).

Как я уже говорил, впервые я его увидел на митинге в Сормове, а потом после выборов начались наши регулярные встречи. Сильно бросалась в глаза его постоянная готовность к конфронтации с политическими и любыми другими противниками. Например, когда я посетовал ему о том, что совсем нет времени, так как прежде чем ехать в Москву, мне надо бы закончить дела по работе, он возмутился:

– Так что они тебя, гады, заставляют программы доделывать? Нужно их поставить на место!

---

²² Несколько позже, от своей одноклассницы, которая работала в железнодорожной милиции, я узнал, возможную причину такого смятения. Дело в том, что ранее по имеющейся инструкции каждую поездку депутатов на уровне России и выше сопровождал специальный наряд милиции. Раньше они ездили скопом на сессии Верховного Совета. Теперь же получалось, что мы едем разными поездами, а на всех милиционских нарядах не напасешься.

Насилу я ему объяснил, что сам хочу все доделать, так как иначе это будет выглядеть не солидно, а мы теперь власть и этого допускать нельзя.

Когда мы приехали в Москву на встречу, которая, как я уже говорил, проходила в Правительственном здании на Калинина, 27, там оказался очень хороший буфет. На завтрак нам предложили и дефицитную тогда красную рыбу, и пресловутую красную икру и все это по очень умеренным ценам. Затем в процессе наших заседаний тетки буфетчицы, узнав, что мы депутаты РСФСР, решили продать нам по коробке дефицитных конфет, уж не знаю, чем они руководствовались, но внешне это выглядело достаточно безобидно. Тем не менее, Боря устроил по этому поводу скандал, выскочив на сцену и заявив о том, что номенклатура пытается нас подкупить! Тогда такие выходки я принимал за слишком прямолинейно понимаемую принципиальность и даже уважал его за это, но вскоре понял, что это была лишь страстная любовь к эпатажу. Он один из первых в стране почувствовал интерес новых «свободных» средств массовой информации к скандалам, и постоянно их провоцировал, чувствуя при этом себя, как рыба в воде.

Его истинное отношение к привилегиям отражает, например, следующий факт. Чуть позже, когда нам депутатам было предложено купить без очереди «Волгу» (*то же самое, что сделал в свое время перед выборами мой соперник Марченков*), я отказался, но Борис начал уговаривать меня сделать следующее: «Давай купим их, потом организуем аукцион по их продаже²³, а разницу направим в какой-нибудь детский дом». Я нехотя согласился, и вскоре благополучно об этом забыл.

Каково же было мое изумление, когда один мой старый приятель, ставший предпринимателем, начал уговаривать меня купить эту самую «Волгу» для него, причем, когда я не согласился, сослался на то, что даже борец с привилегиями Немцов давно уже ее купил и на ней ездит. При первой же после этого разговора встрече с Борисом, я его спросил:

– Боря, как же так, ты, оказывается, Волгу то купил! Как же детский дом?

А он, потупив глаза, ответил:

– Да, купил!

Тем не менее, слава борца с привилегиями за ним закрепилась. Однажды в поезде из Нижнего в Москву, а мотаться приходилось часто, я случайно услышал восторженные заявления одного из пассажиров о том, что Борис отказался от квартиры в Москве, от высокой зарплаты и прочее, прочее.

И вот совпадение, в этот же день, в обеденный перерыв ко мне подошел наш коллега, который входил в комиссию по решению бытовых вопросов депутатов и посетовал: «Хоть ты на земляка повлияй. Губернатор, но квартиру в Москве не сдал, а, главное, еще и не платит за коммунальные услуги».

Так что бессребреником он никогда не был и о своем «кровном» всегда заботился.

В связи с этим хочу вспомнить один забавный эпизод. В одну из наших первых поездок в Москву так получилось, что я позабылся о билете раньше и мне достался вагон СВ, а Борису только купейный. Минут через 10 после того, как поезд отправился, ко мне пришел встревоженный Немцов и попросил спрятать его кошелек у меня. Я удивился:

– А, зачем?

– Да ты, понимаешь, со мной какие-то подозрительные личности едут, типа цыган.

– Да ладно тебе, выдумывать, – беспечно отвечал я.

– А что ты смеешься! У меня один раз зимой ботинки в поезде украли, так что пришлось мне, потом в одних носках по вокзалу мотаться.

---

²³ Тогда автомобили были большим дефицитом, за ними была огромная очередь и на аукционе они были бы проданы раза в 2 дороже их государственной цены!

После таких аргументов я кошелек взял. Собственно говоря, в этом-то эпизоде ничего зазорного нет, такое со всяkim может случиться.

Однако в иных случаях в смешные ситуации Немцов попадал исключительно из-за своей любви к пусканию пыли в глаза.

Так, например, когда Борис в ноябре 1991 года стал губернатором, он просил нас привозить специалистов в Нижний. Я привез к нему Олега Григорьева – молодого, подающего надежды экономиста²⁴. Тогда Олег специализировался на выстраивании внутрирегиональных балансов.

Когда я представил Григорьева Немцову и предложил Борису его услуги, Ефимович пренебрежительно ответил: «А нам этого не надо. Мы это уже сделали, вот смотри!»

После этих слов он дал мне посмотреть хорошо оформленную в твердом переплете книгу, которую явно подготовили еще до его восшествия на губернаторский престол. (*Судите сами: шел февраль 1992 года, в должность он вступил в ноябре 91-го, а книга датирована декабрем 1991 года, не за месяц же они ее сварганили?*)

Я, чтобы сгладить бес tactность хозяина кабинета, попросил у него эту книгу мне подать. У него не нашлось лишнего экземпляра, и поэтому он позвонил Евгению Крестьянинову, председателю областного совета который сидел в другом здании, по громкоговорящей связи:

– Жень, а у тебя нет лишнего экземпляра книги?

– Какой?

– Ну, этой про Нижегородскую экономику.

– А зачем тебе, это же х...я!

Мы с Олегом напряглись, еле сдерживая хохот, а Боря, отключив не в меру откровенного Крестьянинова, продолжил, как ни в чем не бывало нашу беседу, переключив разговор на другую тему.

Эпатаж, скандал, фанфaronство, это родовые черты наших политических деятелей, в первую очередь, либерального толка и первым, кто мастерски овладел этими приемами, был Немцов.

Как у него это получилось?

Ну, *во-первых*, он использовал любую возможность попасть на телевидение. В то время одним из наиболее популярных нижегородских дикторов была Нина Зверева. Они с Борисом были давно, еще до всех событий, очень хорошо знакомы и Боря использовал это на всю катушку. Комментарии на телевидении о проходившем 1-ом съезде давал практически только он. В связи с этим некоторые остряки даже называли Нижегородское телевидение – телевидением имени Бориса Немцова.

Во-вторых, у него просто врожденное умение надувать щеки. Спору нет, это для политика вещь необходимая, но и не секрет, что лучше всего этому обучаются люди хлестаковского типа, а именно таковым и является, по своей сути, Борис Немцов.

Известный политолог левого толка Борис Кагарлицкий очень точно как то заметил, что Немцов такой человек, который дольше 5 минут об одном и том же думать не может и поэтому никогда ничего не доводит до конца.

И действительно, то он пересаживает всех чиновников на Волги, то воюет с олигархами, то скандалит из-за мощей последнего русского императора с губернатором Росселем, то плещется соком с Жириновским, и всегда он в центре внимания, в центре скандала, что, собственно говоря, и являлось главной целью всех его затей.

---

²⁴ Он впоследствии, вместе с Михаилом Хазиным стал одним из авторов книги, написанной в 2000 году, которая предрекала финансовый кризис, связанный с чрезмерной эмиссией долларов, что в 2008 году блестяще подтвердилось.

В-третьих, он очень эгоцентрична личность, сохранившая практически детское восприятие мира, который предназначен исключительно для его ублажения, и поэтому требование к себе внимания являлось естественной составляющей его поведения.

Есть такой анекдот, когда маленький мальчик спрашивает у няни: «Ну, мама понятно зачем, а папа?» Примерно также относился к своим соратникам, да и всем окружающим Борис Немцов.

Как мне рассказывали, однажды он заказал социологическое исследование по поводу сплоченности его команды, управляющей тогда Нижегородской областью. Психолог, проводивший данное исследование, честно провел его и положил результаты на стол губернатору. Эти результаты убедительно показывали, что Борис центровой волейбольный команды, ждущий от всех остальных только подачи хорошего мяча для завершающего удара и сдающий любого при первой же возможности.

Борис обиделся, и после этого исследования психологу было заявлено, что власти области в его услугах больше не нуждаются.

А сдавал соратников иссорился с ними Борис с удивительной легкостью. В 1991 году он поссорился с депутатским корпусом города Нижнего Новгорода и, вопреки мнению депутатов, у которых была своя кандидатура, добился назначения Указом Президента мэром города Дмитрия Беднякова. В начале 94 года он поссорился уже с Бедняковым из-за устава города Нижнего Новгорода и добился его отставки опять же Указом Президента²⁵.

После его отставки были назначены первые свободные выборы мэра города. Немцов хотел этим показать свою демократичность, пусть мол народ сам решает и выдвинул в качестве альтернативы Беднякову, который не смирившись с увольнением, участвовал в выборах, все того же Евгения Крестьянинова. А потом, видя, что Крестьянинов проигрывает, заставил его снять кандидатуру и выборы были отменены, так как Бедняков остался единственной кандидатурой и по положению о выборах они в этом случае отменялись.

Также решительно он сдал своего старого дружка предпринимателя Климентьева.

Друзьями они были еще в студенческие годы. Этот самый Климентьев в демократических нижегородских СМИ изображался как предвестник рыночных реформ, пострадавший в советские времена. Причем журналисты подчеркивали, что он сидел по надуманному приговору, сфабрикованному в 1982 году КГБ за распространение порнографии. Говорили, что он стал жертвой показательных приговоров против «золотой молодежи», которые, якобы, проводили тогда по всей стране. Дело в том, что Климентьев тоже как Немцов был сыном какого-то влиятельного нижегородского чиновника и вполне вероятно, что и знали они друг друга именно поэтому.

На мой взгляд, более правдоподобной является версия, которую мне рассказал один бывший сотрудник КГБ, в соответствии с которой его арестовали за фарцовку, в том числе и модными пластинками (*Немцов проходил по этому делу свидетелем*). Был Климентьев мелкой сошкой, недоучившимся студентом, но, благодаря его показаниям у органов появилась очень хорошая перспектива посадить одного известного московского валютчика, которого до этого никак не могли уличить. Потом Климентьев, испугавшись, что его на зоне пришлют за данные показания, на суде от них отказался. Ну и тогда в отместку за такую «непоследовательность» следователи мелкий эпизод по просмотру порнофильмов, интерпретировали как распространение порнографии. В результате к обвинению в мошенничестве Климентьеву добавили обвинение в распространении порнографической видеопродукции и упекли его в тюрьму на максимальный срок.

---

²⁵ Многие ставили под сомнение правомочность этого Указа, и как оказалось, небезосновательно – в 1997 году он был пересмотрен по инициативе канцелярии Президента и признан утратившим силу, но дело было сделано, и восстановить Беднякова в должности уже было нельзя, так как тогда пост мэра уже занимал законно избранный И. П. Скляров.

Так это было или иначе, точно не известно, но когда он вернулся из заключения в 1989 году, то выборы Бориса депутатом, а потом назначение его губернатором помогли ему раскрутить свой бизнес. В частности, он легко сумел получить, благодаря Бориной протекции, крупный кредит, выданный на реконструкцию Навашинского судостроительного завода. Ясное дело, на заводе этих денег практически не увидели.

Тогда это было нормой, а когда на Бориса, опять же, вовсе не из-за заботы о государственной казне, а из-за политических интриг наехали из центра по поводу нецелевого расходования средств, Немцов не стал защищать Климентьева, а попросту сдал его, усадив за решетку.

И потом он и иже с ним это делали еще несколько раз, в том числе и тогда, когда Климентьев выиграл выборы в мэры Нижнего Новгорода, благо повод для посадки всегда находился.

Вообще расправляться с недругами Борис умел. В Питере однажды он проводил какую-то акцию, и его встретили недружелюбно. Не помню, в чем там была суть, но по телевидению показали его бегающего по футбольному полю, с перекошенным потным лицом, а сзади к нему подбежал мальчишка в спортивной форме и ударил его огромным надувным молотком, что вызвало смех и улюлюканье зрителей. Этого было достаточно, чтобы каналу вырубили на следующий день вещание.

Не подумайте, что я специально смакую все эти подробности, как говориться из личной неприязни. Мы с Борисом, хотя и оказались по разные стороны баррикад в 93-м году, лично не ссорились. Последний раз я виделся с ним во времена, когда он был первым вице-премьером в 1998 году. Олег Румянцев, наш коллега по Верховному Совету – секретарь Конституционной комиссии пригласил меня пойти к нему, заранее договорившись с ним о встрече. Сначала я отказался, но мой друг и коллега Игорь Муравьев, узнав про, это страшно возмутился: «Если ты хочешь вернуться в политику (*а тогда я еще хотел*), как же ты можешь от этого отказываться?»

И я перезвонил Олегу и сказал, что пойду.

Принимал нас Борис в своем кабинете в Белом доме. В приемной было две длинноночие секретарши, толпящиеся просители, короче говоря, все, как положено у Первого вице-премьера.

Беседовали мы минут 40, не меньше. Разговор был обо всем, и ни о чем. Я говорил о надвигающемся кризисе неплатежей по ГКО (*встреча проходила за два месяца до дефолта*), о прочих назревших проблемах в экономике, а Борис важно кивал головой, говорил о том, что они над этим думают, что они над этим работают. Однако, было видно, что если он и думает о чем либо из-затронутого в беседе, то не более тех самых пяти минут, о которых я упоминал в характеристике данной ему его тезкой Кагарлицким.

Все эти его черты: любовь к скандалам, легковесность заявлений, «зулусский» подход к демократии²⁶ – все это родовые черты наших либеральных политиков от Собчака и Гайдара, Льва Пономарева и Глеба Якунина, до Вовы Рыжкова, Ксении Собчак и иже с ними.

Но больше всего их роднит одна единственная общая идея. И ирония судьбы заключается в том, что об этой главной идее я услышал еще даже до личного знакомства с Немцовым.

Как я уже упоминал, Борис стал известен в Горьком тогда, когда возглавил движение против строительства АСТ (*атомная станция теплоснабжения*). С ним организовывали встречи, в том числе и в Институте Химии, правда, уже тогда, когда я там не работал. Узнав о встрече у одной из своих бывших коллег, я спросил:

– Ну и как вам Немцов, что он собой представляет?

---

²⁶ Под зулусским подходом я имею в виду подход дикаря зулуса к вопросу воровства. Зулуса спросили: «Как в вы думаете воровать хорошо или плохо?» Дикарь, не ведающий ничего в вопросах собственности, попросил объяснить, что это такое. Ему объяснили. Он подумал и ответил: «Когда у меня воруют это плохо, а, когда я, то можно». Так и наши демократы относятся к демократии: Большевики узурпаторы и негодяи разогнали Учредительное собрание! Ельцин разогнал и расстрелял Верховный Совет и Съезд народных депутатов исключительно во имя демократии и прогресса.

– Не понравился!

– Почему?

– Да у него идей то никаких нет, кроме одной, давайте все сделаем как у них!

И действительно, главной идеей Бориса Немцова и всей нашей либеральной гоп компании на протяжении вот уже более четверти века является холуйское, безоглядное подражание Западу и «святая» вера в то, что, если слушаться старших, в лице дяди Сэма и других ему подобных, то все проблемы России будут решены. Это один из самых устойчивых мифов, сковывающих наше сознание, и я хотел бы немного отвлечься от нашего повествования для развенчания этого мифа.

Отступление № 1. «Давайте сделаем все, как у них»

Во-первых, настолько ли уж так благодатна западная жизнь, чтобы активно ей подражать?

Спору нет, разговоры о том, как там у них все круто, не то, что у нас, велись советскими людьми очень давно, еще задолго до перестройки. Сказывались и железный занавес, который не позволял реально оценить условия жизни на Западе, и примитивная пропаганда, расписывающая ужасы жизни там, и наши прелести.

Свою жизнь знали, во многом она была не сахар и срабатывала простая логика: «Раз врут про житье здесь, значит, врут и про житье там, а значит здесь ад, а там рай».

Данная мысль поддерживалась и теми немногочисленными «счастливчиками», которые попадали в Европу в командировки и туристические поездки и видели ломящиеся от яств и товаров полки магазинов. А тогда при наших советских дефицитах это вполне могло показаться раем, так как главной проблемой в СССР было достать товар, а деньги у всех водились.

Но сейчас то, когда занавес рухнул, и многие граждане там пожили и поработали, а здесь мы вкусили все прелести рынка и узнали, что ломящиеся от товаров полки магазинов вовсе не означают автоматического их присутствия в наших домах, должны мы более трезво на жизнь смотреть?

Или по-прежнему хотим как у них? Что ж и на пенсию с 65 лет хотим, да?

А то, что больничный лист нам теперь не 100 % оплачивают, вам нравиться? Нет! Странно, а ведь это как у них сделали.

Может и отпуска, как у них сделаем? В Штатах, например, никаким законом право людей на отпуска не защищены, его дают по усмотрению работодателя.

А в Германии зимой мерзнут, потому, что там температуру в помещении выше +18-ти могут позволить себе только очень богатые люди.

А страховые компании на Западе при страховании автомобилей не только за страховые случаи увеличивают ежегодные платежи, но и за все штрафы, в том числе и за превышение скорости. Даже, если вы ни в кого не врезались и ничего не повредили, за лихую езду страховка увеличивается. Здорово, правда?

А может нам и семьи «гомикам» разрешить создавать и детей усыновлять? А что, давайте сделаем как у них, например, как во Франции!?

То-то и оно, что время восхищения прошло, мы теперь вроде бы ученые и понимаем, что, как в известном анекдоте, эмиграцию с туризмом путать не надо²⁷!

---

²⁷ Человек во время клинической смерти побывал на экскурсии и в раю и в аду. Ну, что в раю? Сады, белые одежды, ангелы – скучотища. А вот в аду ему понравилось: пьянки, гулянки, женщины, азартные игры – очень даже неплохо. Потом он выздоровел, но все запомнил, а, когда настал черед покинуть этот свет по-настоящему ему предложили выбирать. Он, подумал и выбрал ад. Только на этот раз все было по классике: котлы с кипящей смолой, запах серы, все как положено. «Как же так, – спрашивает у черта человек, – я же прошлый раз все по-другому видел. «А ты туризм с эмиграцией не путай!»

Во-вторых, даже, если я слегка и перегнул палку, так как, несмотря на вышеупомянутые мной примеры, все-таки в наиболее развитых странах Германии, Великобритании, США, Канаде и ряде других уровней жизни выше нашего, нужно же понимать причины этого благополучия!

Великобритания стала великой, когда захватила массу колоний, из которых вывозились сокровища, служащие источником первоначального накопления. Капитализм без колониализма невозможен.

США вырвались вперед в 20-м веке, по «стренному совпадению» делая рывки сразу после мировых войн. А «совпадение» это происходило по простейшей причине: Европа и Россия были в руинах, а они на войне наживались. После первой мировой войны в США оказалось третье мирового запаса золота, а после 2-ой мировой две трети.

Исходя из принципа лезвия Оккамы, который гласит, что не надо придумывать сложные объяснения явлений, если есть простые и понятные, можно сделать простой вывод. Вырвавшись в 16–17 веках вперед, западные цивилизации в дальнейшем уходили в отрыв, в первую очередь благодаря тому, что эксплуатировали весь остальной мир.

Поэтому, если главный механизм процветания Запада это эксплуатация всего остального мира, то, причем здесь гениальная Конституция США с разделением властей, «хабес корпус» и другие юридические выверты западного законодательства?

В этих условиях предложения копировать их порядки, также абсурдны, как предложения упразднить на парусном судне большую команду матросов, управляющих парусами, на том основании, что на пароходе этой команды нет.

Для того чтобы обогнать пароход, нужна в первую очередь паровая машина!

К сожалению, люди до сих пор этого не понимают.

Когда им говоришь, что Европа и США материально живут лучше нас не потому, что они умнее нас, более организованы и трудолюбивы и их законы лучше наших, а потому, что весь мир работает на них, люди не хотят в это верить.

«Хорошо, а Москва, почему лучше всей России живет тоже потому, что в ней люди умнее и трудолюбивее?» – спрашиваю я в качестве последнего аргумента.

«Нет, Москва всю Россию доит!» – отвечают жители провинций.

Так вот, уважаемые читатели, для Запада весь мир провинция, которую он нещадно эксплуатирует! Пора бы уже это понять!

Накануне Съезда

Справедливости ради надо сказать, что мне и самому стало это понятно гораздо позже описываемых здесь событий. Тогда же нам казалось, что стоит только грамотно включить рыночные механизмы, установить прочные демократические институты путем разработки «правильных законов» и изобилие и процветание войдут в дома наших российских граждан легко и непринужденно. И я готов был с яростью и юношеским максимализмом взяться за работу по разработке этих самых законов!

Но до законов было еще далеко. Необходимо было на первом съезде избрать Верховный Совет и его Председателя, и, конечно же, главной проблемой был выбор достойной кандидатуры на этот высокий пост. Никакой предопределенности по поводу того, что этой фигурой станет Ельцин, на тот момент не существовало. Более того, даже среди оппозиционеров единого мнения не было.

На первой встрече, на улице Калинина, 27, Ельцин даже не появился. Зато там появились, так называемые «гдянолюбы»²⁸, Карягина и Суркова, которые произвели на меня не очень

---

²⁸ Гдяни и Иванов были следователи Генеральной прокуратуры, которые расследовали громкое «хлопковое дело». Это

благоприятное впечатление своим докладом о всеобщей коррупции и мздоимстве, с кликушескими заявлениями и раздутыми цифрами и фактами, явно рассчитанном на сенсацию. По коридорам бегал никому еще не известный Сергей Юшенков и зачем то всем пытался доказать, что Ленин написал книгу «Материализм и эмпириокритицизм» исключительно для заработка. Травкин предлагал подписать под воззванием к партократам, чтобы они добровольно отказались от кормушки. То есть, это была встреча без какого-либо плана. Сначала, правда, на заседании пытались принять некую платформу демократических сил. Москвичи даже подготовили текст, но он был явно слабым, и в целом заседание свелось к свободному обмену мнениями.

Тон, заданный москвичами, мне не понравился какой-то своей безответственностью и этими сомнениями я поделился с Борей Немцовым. Он тогда со мной согласился, но это был тот самый тон эпатажа, сенсационности и конфронтации, который стал потом излюбленным приемом самого Бориса, о чём я уже говорил выше.

На вторую встречу, которая состоялась 14 апреля, прибыл Ельцин. Конечно же, было очень интересно посмотреть на «опального популиста». Надо отдать должное внешность у него была импозантная. Благородная седина, рубленные, четкие черты лица. Я с удивлением заметил для себя, что вблизи, не по телевизору, он очень похож на моего дядьку Николая, старшего брата отца, работавшего в молодости плотником в строительной бригаде шабашников, крепкого, здорового русского мужика.

Однако внешность внешностью, а выступил он перед нами очень слабо. Выступление было в стиле отчета на партхозактиве и никак не годилось для будущего руководителя России. Помню потом в кулуарах, когда скепсис по поводу фигуры Ельцина возрос, Андрей Головин, будущий лидер нашей фракции «Смена – Новая политика», громко возмущался:

- Нет, только не Ельцин!
- А кто же тогда? – спрашивал я его.
- Не знаю, но только не Ельцин!

– Ну, это тут вам в Москве решать, – отвечал я ему, потому, что тогда я еще страдал комплексом провинциала и поэтому считал, что по поводу общей от демократов кандидатуры должны договариваться в Москве. А я, победивший на выборах первого секретаря горкома партии, естественно причислял себя к демократам.

Так впоследствии и случилось, только решение было принято не в Москве, а где-то под Питером на секретном совещании. Участники этого совещания, разочаровавшиеся в Ельцине, не любят об этом вспоминать, а не разочаровавшиеся, по понятным причинам не входят в круг моего общения, поэтому подробности согласования выдвижения Ельцина мне не известны.

Отчет о поездке в Москву я поместил в районной газете «Красный Сормович», в которой появилась новая рубрика: «Страница депутата». Впоследствии эта газета не раз и не два представляла мне возможность подробно осветить мою позицию, за что я благодарен ее редакторам, сначала Л. И. Черенкову, а позже Г. А. Илескину.

Открытие съезда было намечено на 16 мая. От каждой региональной делегации были избраны представители, которые должны были подготовить повестку съезда и решить другие организационные вопросы.

Нас собрали в обкоме партии и предложили в состав представителей кандидатуры, среди которых не было никого из неформалов. Мы очень по этому поводу переживали, как оказалось впоследствии зря, потому что на съезде все пошло не так, как подготовила эта самая комиссия.

расследование использовалось, в том числе, и в политических целях для разоблачения советской системы и часто очень нечистоплотными методами.

Съезд открывался 16 мая 1990 года. Это была среда, официально заезд начинался с понедельника 14-го, но мы вместе с Сашей Уткиным выехали раньше, прихватив пятницу 11 – мая и все выходные.

И в результате все предсъездовские дни слились в сплошной калейдоскоп встреч.

11-го мая нас пригласил к себе в Моссовет Гаврила Попов, избранный накануне Председателем Моссовета, и там провел встречу членов Межрегиональной группы народных депутатов СССР с депутатами РСФСР. Там впервые ко мне подошел с предложением о создании фракции молодых депутатов Андрей Головин.

С Колей Барминым – нашим депутатом от Городца (*город в Нижегородской области*), мы ездили в Белый дом, в котором находилось Правительство РСФСР, и присутствовали на заседании предсъездовской комиссии, а заодно зашли для решения вопросов по наказам избирателей в один из кабинетов.

Нас тогда неприятно удивила запуганность аппаратчиков приближающимися событиями и возможным выбором Председателем Верховного Совета Ельцина. Мы с Колей еще тогда усмехнулись: «Боятся, что работать заставит, а то здесь они в Москве и задницу лишний раз не приподнимут!» Вот такие тогда у нас были настроения и представления о ситуации.

Вечером аграрии собирались в одном из конференцзалов гостиницы Россия, где нас разместили, мы сходили ради интереса и туда. Конечно же, я на этом заседании помалкивал, так как городская и внешность, и сущность указывали на мою некомпетентность в этих вопросах. А вот москвичей это не смущало. Помню, как Женя Кожокин, будущий член нашей фракции, отошедший от ее дел после нашего ухода в оппозицию, активно поучал аграрников, как надо вести дела. Когда я ему заметил, что им, наверное, все-таки видней, он яростно стал доказывать, что они ничего не понимают и не дают развиваться фермерству. К сожалению, такое всеизнанье дорого потом обошлось нашей стране.

С кем мы только в эти дни не встречались! Какие-то социал-демократические группы, экологи и прочая, прочая.

Накануне съезда к нам в гостиницу пришел Андрей Головин, и мы начали собирать свою фракцию. Ходили по этажам, искали всех депутатов до 35 лет и вскоре мы собрались в фойе. Название предложил Игорь Мозго, как я уже упоминал выше, наш нижегородский депутат, избранный от города Бор. Он предложил назвать фракцию «Смена» (*Дополнительные слова «Новая политика» появились позже*).

Неожиданное одобрение названию мы получили от первого секретаря Нижегородского обкома партии Ходырева, которого мы встретили по дороге в Кремль, когда шли на первое заседание съезда: «Смена, говоришь, – отвечал он мне, – что ж, это символично».

Я с удовольствием поддержал создание собственной фракции, так как та самая, замеченная мной еще в апреле безответственность москвичей из Демократической России, заставляла искать формы принятия самостоятельных решений, а создание фракции для этого идеально подходило.

К съезду готовились обе стороны.

В ЦК КПСС накануне съезда собирали депутатов РСФСР – членов КПСС. Ясное дело нас туда не пустили, но многие из «демократов» были членами партии и смогли проникнуть туда. От ЦК предлагали в Председатели Ивана Кузьмича Полозкова, моего однофамильца, который был в то время первым секретарем Краснодарского обкома партии, впоследствии избранный первым секретарем ЦК Компартии России, а также хотели ограничить повестку дня лишь организационными вопросами, опустив вопросы социально-экономического положения в России. Ясное дело, что разгоряченные после выборов депутаты не могли с этим согласиться.

Первый Съезд народных депутатов РСФСР

В первый же день председатель избирательной комиссии Казаков, который до избрания всех руководящих органов вел заседание, был вынужден пойти на попятную и принять повестку дня, включающую вопросы социально-экономического положения в России, и в результате съезд продолжался больше месяца!

Он проходил в условиях сверх повышенного интереса к нему со стороны граждан. Дорогу от гостиницы Россия до Спасских ворот Кремля буквально перекрывали толпы людей. Наше общество было в то время опьянено свободой и демократией, все верили в будущее, и поэтому, наверное, мы тогда не очень обращали внимание на предостережения, идущие от сторонних независимых наблюдателей.

А сейчас, когда практически все пошло не так, как тогда нам представлялось, именно эти предостережения вспоминаются в первую очередь.

Обедали мы на втором этаже гостиницы, и однажды со мной за столом оказался импозантного вида предприниматель австриец, уже в возрасте, неплохо говорящий по-русски. Оказалось, что у него русская жена. Он удивлялся и восхищался:

– Это здорово, что без стрельбы²⁹, без насилия у вас в стране появилась свобода. Но, помните, у вас в Союзе много хорошего, того, чего нет у нас. Не разрушайте этого! Не надо!

– А мы и не будем! Кто так ставил вопрос? Все лучшее мы сохраним, – бурно и самонадеянно реагировал я на его высказывания.

Володя Маханов, мой друг, член фракции «Смена – Новая политика», депутат от Кемеровской области, один из зачинателей шахтерского забастовочного движения, рассказывал о том, что на их шахтерском съезде в Кемерово, невесть как туда попавший, профсоюзный деятель из Англии говорил примерно то-же самое: «Что вы делаете, вы уничтожаете те завоевания, которых мы добивались сотню лет, да так и не добились!» А народ отвечал ему на замечания улюлюканием.

Депутат свердловчанин Валерий Скрипченко, земляк Ельцина, пригласил меня на встречу с какой-то американской журналисткой. Дама, хотя и была в годах, живо интересовалась тем, что у нас происходит. Мы ей объясняли, что СССР переходит к рыночной экономике, и что мы тоже хотим, чтобы у нас все было в магазинах. А она в ответ замечала: «Это, конечно, «вери гуд». Но избегайте наших ошибок, не давайте появиться сверхбогатым людям, олигархам. Олигархи – это страшное дело. Они, имея большие деньги, легко нарушают законы и творят произвол. С ними очень трудно бороться».

Тогда с Валерой, мы только улыбались в ответ, не представляя себе, что эти самые олигархи у нас появятся уже через пару лет.

Впрочем, я и сейчас абсолютно уверен, что тогда еще можно было избежать создания общества, в котором деньги решают все, а законов для богатых не существует.

Вся беда в том, что олигархи у нас появились искусственным путем, благодаря чубайсовскому способу приватизации, из преступных элементов и случайных людей.

С этим позже я сознательно боролся, и совесть моя чиста. Но я прекрасно понимаю, что авантюрная политика Чубайса могла появиться только благодаря тому, что РСФСР возглавил Ельцин. Так как он был сам большим авантюристом и настолько не разбирался в экономике, что не мог даже отличить истинных специалистов от шарлатанов, которыми, безусловно, были практически все члены команды Гайдара.

---

²⁹ Тогда ни он, ни я не знали о том, что стрельба и кровь еще впереди!

А вот за Ельцина я на первом съезде голосовал. Тут, как говориться, не прибавить, не убавить. И у Скрипченко то я появился потому, что взялся распространить между депутатами нижегородцами книгу Ельцина: «Исповедь на заданную тему».

Почему так произошло? Ведь, как я говорил, еще накануне не ясно было кого же поддерживать. Что ж, здесь сыграли свою роль многие факторы:

Во-первых, топорная позиция консервативных сил. Они сразу же любого депутата не члена партии, любого молодого депутата зачислили во враги, отстранив от представительства на предсъездовской комиссии, отвечая на агрессию крайних представителей демократов такой же агрессией по отношению ко всем не своим. А ничто так не сближает, как общий враг.

Во-вторых, они сразу же проиграли, выдвинув явно непроходную кандидатуру Полозкова И. К. моего однофамильца. Впоследствии, я познакомился с Иваном Кузьмичем поближе и узнал, что он вполне нормальный человек и демоническую фигуру ретрограда из него сделали средства массовой информации. Но такую репутацию он получил уже до съезда благодаря истории с фирмой АНТ, когда он остановил продажу танков за границу. Афера была темная, до сих пор оценки этой истории очень разные, но СМИ тогда уже создали ему образ и в глазах общественности он выглядел как представитель самого консервативного крыла компартии. Это был почти российский Лигачев и в условиях, когда выборы в депутаты России были много более демократичными, чем в Союз, было наивно предлагать столь консервативную фигуру. Травля прессы была запредельной (*помню, как меня покоробила фотография в одной из центральных газет, где была сфотографирована рука Ивана Кузьмича с наколкой «Ваня»³⁰, демонстрирующая низкий интеллектуальный уровень кандидата*). Вот, если бы они, например, сразу поставили кандидатуру Власова, то эффект мог бы быть другим. Но, опять же, его надо было раскручивать по всем правилам. Он, в отличие от Ельцина, был мало, кому известен.

В-третьих, критика Ельцина была слишком топорная и смахивала порой на клевету. Нам, например, подсовывали в гостинице под дверь безымянные листовки с описанием пьяных дебошер Бориса Николаевича. Мне лично в это не верилось. У него был ореол грубоватого, но очень интеллектуального, но жесткого и поэтому эффективного руководителя. А свое патологическое властолюбие он тогда очень искусно скрывал.

В-четвертых, была развернута такая мощная пропаганда, которая выставляла все в таком свете, что за Ельциным идут сила света и прогресса, а за Власовым и Полозковым все силы тьмы и старых обветшавших догм, что нам, еще неискусенным в политике, трудно было этому противостоять.

Даже во время показа депутатам документального фильма Станислава Говорухина «Так жить нельзя!», фильма, как теперь можно заметить, с очень большими эмоциональными перехлестами, показывающими недостатки тогдашней жизни, кто-то в зале после показа крикнул: «Теперь все должны знать за кого голосовать».

Логика была очень простая. В нынешней ситуации виновата не оппозиция, которую представляет Ельцин, а действующая власть, которую представляют кандидаты ЦК КПСС. Следовательно, чтобы все изменить к лучшему, нужно избирать Ельцина, если все оставить как есть, нужно избирать его конкурентов.

Сейчас издана масса книг по тактике «цветных революций», в которых очень подробно описано, как негодование граждан против реальных безобразий направляется в нужное манипуляторам русло, и тогда был использован именно такой прием.

На тот момент объективно ситуация со снабжением населения товарами первой необходимости очень сильно ухудшилась и была одним из главных раздражителей настроений избирателей, желающих эти безобразия прекратить.

---

³⁰ Кстати, так и не знаю, был это фотомонтаж или наколка реально есть, но не удивлюсь, если это был фотомонтаж.

Некоторые связывают это с коварными планами автора перестройки М. С. Горбачева разрушить страну. На мой взгляд, на самом деле это было связано с преступно непрофессиональными популистскими решениями горбачевской команды, в частности с теми, которые сняли многие ограничения с роста заработной платы. Ясно, что против этого как раз никто не выступал. Однако, при сохранении практических старых объемов производства, это, при стабильных ценах, неумолимо вело, к росту дефицита товаров.

Горбачева сейчас, и не без основания, обвиняют во многих грехах. Что ж заслужил. Ко многим из них я бы причислил еще один. Он был одним из основных виновников принятия съездом решения о выборах Ельцина Председателем Верховного Совета Российской Федерации!

Да, да именно так! Правда, невольным виновником, но виновником! На момент, когда уже было проведено несколько голосований, но никто из кандидатов никак не мог набрать более 50 % голосов, Горбачев выступил на съезде. Я был избран в секретариат съезда, сидел в Президиуме и Генеральный секретарь ЦК КПСС вещал буквально в 3-х метрах от меня.

Выступление напрямую не касалось выборов. В те времена давление высших руководителей на принятие кадровых вопросов считалось неэтичным (*вспомните гуляние Горбачева по Ленинграду во время выборов секретаря горкома*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.